

Муниципальное учреждение Торопецкого района
«Торопецкая центральная библиотека»

Огонь войны души не сжег...

Народная летопись

выпуск 8

Торопец
2019

От составителя

«Огонь войны души не сжёг» - 8-й сборник воспоминаний о Великой Отечественной войне из серии «Народная летопись».

Условно его можно разделить на три части. В первую вошли свидетельства о войне торопчан, непосредственных участников военных действий. Они взяты из материалов, составленных в 80-е годы прошлого столетия краеведом Евгением Васильевичем Веселовым на основе анкет ветеранов Великой Отечественной войны.

Вторая часть сборника – воспоминания детей, рожденных в довоенные годы, тех, кто своим трудом и помощью взрослым тоже приняли участие в войне, внесли свою посильную лепту в дело Победы и сохранили правду о войне.

И завершают книгу уже опубликованные в областной и районной прессе в 2010 году «Воспоминания очевидцев оккупации Торопецкого района с 29.08. 1941 г. по 21.01.1942 г.» созданные по материалам Торопецкого краеведческого музея научным сотрудником С.А. Сейтмамутовой.

Живые исторические свидетельства авторов сборника помогают воссоздать атмосферу прошлого, восстановить множество фактов, которые не отразились в других источниках, способствуют развитию патриотизма и знанию истории родного края.

Бегунов Василий Тимофеевич

Родился 28 февраля 1908 года в деревне Юрино Торопецкого района. Русский. Беспартийный. Окончил 4 класса приходской школы. До войны – рабочий колхоза, после неё – рабочий совхоза. В войну воевал в 23-м заградительном отряде 70-й ордена Ленина гвардейской стрелковой дивизии. Медали "За оборону Ленинграда", "За победу над Германией" и юбилейные.

Вспоминает:

"В 1939 году участвовал в польской кампании, в которой также было много наших жертв. Пробыл 5 месяцев.

23 июня 1941 года меня вызвал военкомат. Нужно было защищать Родину, направили в военный городок, где мы и несли службу. Когда немец подходил к Великим Лукам, нас начали эвакуировать. Поездом следовали до станции Ильино Горьковской области. Там, в соснах, мы разгрузились. Мне поручили возить почту из части в почтовое отделение и обратно. Почта была секретная.

В начале ноября нас направили на фронт. Собирали в маршевые роты, грузили в вагоны и отправили до Малой Вишеры. Здесь разгрузились, нас направили в расположение одной из частей. Две недели мы занимались, а потом нас собрали, построили и повели к фронту. Шли всю ночь через большие леса, утром, на восходе солнца пришли в деревню Селище Ленинградской области. Остановились.

Здесь уже находились какие-то воинские части. Нас стали принимать и приписывать к частям. Воинов прибывало все больше. Собралось очень и очень много народу, санитарных повозок. Деревня большая, люди жили спокойно.

Снегу было четверти 2-3. День ясный. И вдруг от линии фронта летит немецкий самолёт-разведчик. Невысоко, вкруговую облетел над нами и улетел обратно. Не более чем через полчаса вернулся он первым, а за ним ещё три тройки самолётов, всего десять, и давай бомбить нас и всё подряд, строчить из пулемётов. А нам и пугнуть их нечем: у нас нет ни одной даже винтовки.

Так и приняли мы здесь своё первое боевое крещение. Сколько тогда погибло здесь войска, лошадей! В деревне не осталось ни одного стекла, ни одной крыши. Я считаю, что здесь сработали вредители.

Осталось нас очень немного, оставшиеся в живых собирали раненых, носили их в помещения, которых в сохранности осталось очень мало, все – битые.

Вечером нас собрали и повели назад, в лес, где мы переночевали, а утром пошли на передовую. В лесу, в палаточном складе, нам выдали винтовки. Теперь мы шли вооружённые, проходили через разгромленную деревню, в которой были вчера, на неё смотреть нельзя было.

А потом начались бои за деревни. На третий день меня ранило в руку, отвезли в госпиталь в Кустанай. Там пролежал зиму, а в начале апреля снова в маршевую роту и эшелоном до Ладоги. Здесь и приняли участие в обороне Ленинграда в составе 70-й ордена Ленина гвардейской стрелковой дивизии. Строили различные укрепления, дзоты, держали оборону, стояли не на жизнь, а на смерть, чтобы не

допустить врага в Ленинград. Не смотря на разные трудности, мы выстояли и победили, а отступить нам было некуда - позади Ленинград.

Но вот настал час прорвать блокаду. 12 января 1943 года в ноль часов пошли в наступление на прорыв блокады. Началась канонада, а затем атаки немецких позиций. Было очень жарко.

Утром 13 января я был тяжело ранен осколком снаряда в ногу. Чудом остался жив. Срочно отправили в госпиталь в Ленинград. Там с высокой температурой пролежал месяц, потом отвезли в тыл на станцию Плесецкая Архангельской области. Здесь, в госпитале № 1771, я пролежал до сентября 1943 года, а затем врачебная комиссия признала меня негодным и отправили домой, дав на 6 месяцев 3-ю группу инвалидности. Больше меня не вызывали. 3 июля 1974 года мне дали 2-ю группу. Хотя я и инвалид, но горжусь тем, что мы победили».

Выбач Леонид Владимирович

Родился 12 июля 1917 года в городе Ярцеве Смоленской области. Русский, беспартийный, членом ВЛКСМ не состоял. Образование 4 класса. До войны работал шофёром. Во время войны оборонял Ленинград. После войны работал кочегаром Плоскошского филиала швейной фабрики города Торопца.

Вспоминает:

"В июне 1941 меня призвали в армию, направили в Ленинград, а оттуда в Крондштадт, где и началась моя служба до Великой Отечественной войны. С началом войны здесь начали формировать истребительный

морской батальон имени Полозова. По окончании формирования нас вывезли в город Ломоносов и через него последовали в сторону Эстонии, до города Нарвы, откуда отходила 8-я армия.

Здесь мы стали готовить оборону, но наши войска отсюда стали отходить и нас перебросили ночью к Кингисеппу. Здесь утром немецкие паразиты нанесли нам большой урон, как на земле, так и в воздухе. Вся дорога была забита трупами людей, лошадей, остатками разбитых машин. Группами и поодиночке мы собирались в Муковском лесу. Отсюда мы двинулись в сторону Котлов. По дороге в это время двигались немецкие сволочи на Нарву, Ленинград. Ночью мы прибыли в Копорскую крепость. Здесь были уже подготовлены ленинградскими рабочими траншеи. В них мы и заняли оборону.

На рассвете немецкие паразиты скопили много танков, самолётов, пехоты и так много уничтожили наших моряков и солдат, что была дана команда отойти от Копорской крепости. При отходе мы нашли солдата, у которого была пулей пробита грудь через спину навывлет, и мы его несли на палатке до Копорья, где сдали Красному Кресту, а там его отправили в госпиталь.

Здесь же мы нашли две автомашины «ЗИС-5», но у них были прострелены балоны, зато у машины ГАЗ-А всё было в порядке. Я её завёл и въехал на шоссе, которое вело из Котлов на Нарву, Ленинград. На шоссе машину обстрелял немецкий танк, я вылез из неё и спрятался на обочине дороги, а когда обстрел закончился, я подался в сторону Копорской крепости, дошёл до развилки дорог и свернул влево в расположение нашей 1-й морской бригады. Машину я загнал в лес, замаскировал её и стал спрашивать, как найти батальон Полозова. Простоял я здесь около

часа, потом увидел, что по дороге идёт какой-то командир. Я окликнул его. Оказалось, что это мой командир связи товарищ Джелалов. Я выгнал из лесу машину, а Джелалов спрашивает меня: «Откуда ты сюда попал? Старшина Хохлов сказал, что тебя убили.» «Не убили, жив я», - отвечаю ему. На машине мы доехали до расположения своего батальона, и там я получил похвалу от командира батальона за отвагу.

Затем через Ломоносов мы тронулись на Псков, где снова приняли крещение от немцев. Здесь погиб мой командир батальона товарищ Полозов. Отсюда мы пришли в Ломоносов и стали держать оборону своих двух морских фортов. Здесь мы сражались до снятия блокады Ленинграда. После прорыва блокады мы гнали немцев через Кингисепп, Усть-Нарву, Нарву, Таллин. В Таллине нам подали железнодорожный состав, и мы проследовали через Латвию, Литву до Польши.

В Польше высадились из поезда, приняли участие в освобождении острова Мазовецкий и пошли в восточную Пруссию и восточную Померанию. Дошёл я до города Шверин».

Железняков Пётр Алексеевич

Родился 29 декабря 1919 года в селе Новотулка Хворостянского района Куйбышевской области. Русский, член КПСС с марта 1943 г. Образование среднее. До войны работал финансовым инспектором райфо, зав. избой-читальней, сельским клубом в Хворостянском районе. С августа 1934 года по июнь 1940 г. – курсант Тамбовского военного училища. С 24 июня 1941 года по апрель 1945 года – на фронте. С 24 июня 1941 г. по 20 декабря 1941 г. на Западном фронте

в должности командира эскадрона и помощника начальника 2-го отделения дивизии. С 20 декабря 1941 по 19 февраля 1943 – на Калининском фронте в должностях: начальник 2-го отделения дивизии, командир стрелкового батальона, помощник командира полка по разведке, старший офицер связи, старший помощник 3-го отделения отд. разведотдела фронта; С 19 февраля 1943 г. по 24 марта 1944 г. на 1-м Прибалтийском фронте в должности старшего офицера оперативного отдела; с 10 января по 24 апреля 1945 г. на 1-м Белорусском фронте в должности заместителя командира полка по строевой части. Награждён двумя орденами Красного Знамени, медалями: "За оборону Москвы", "За взятие Берлина", "За победу над Германием" и юбилейными. После войны работал преподавателем военно-допризывной подготовки в Торопецкой средней школе №1, инструктором по оргработе, кадрам в Торопецком райпо, начальником штаба гражданской обороны Торопецкого района.

Вспоминает:

«После освобождения города Андреаполя 16 января 1942 года, проведя перегруппировку некоторых частей, войска 4-й ударной армии продолжили наступление на Торопец и Старую Торопу. Оставшиеся из разбитой андреапольской группировки части противника под натиском наших войск отходили на Торопец и к станции Западная Двина. К этим пунктам противник подтягивал и свои силы, намереваясь остановить наше наступление и удержать важный стратегический пункт, каким являлся Торопец с проходившей через него железнодорожной магистралью Осташков – Великие Луки. Из Торопца же выходило и несколько шоссежных дорог.

Упорные бои за город начинались на дальних подступах. Опираясь на промежуточные пункты сопротивления, используя при этом танки и авиацию, фашисты неоднократно переходили в контратаки.

Мне было приказано с подразделением разведчиков в ночь на 19 января занять населённый пункт Речане, где пересекались шоссейные дороги на Великие Луки, Западную Двину и Нелидово, а также находился мост через реку Торопу. На рассвете 19 января задача была выполнена, да так успешно, что мы не имели потерь со своей стороны. Действия происходили так неожиданно для охраняющих деревню Речане и мост в нем, что противник не успел даже произвести какую-либо стрельбу.

Бойцы 249-й стрелковой дивизии под командованием генерала Тарасова и бойцы 48-й стрелковой бригады, умело маневрируя на лесистой местности, обошли ряд опорных пунктов противника и к вечеру 19 января 1942 года неожиданно подошли с разных сторон к Торопцу. Окружённая бойцами 917-го стрелкового полка и нашими разведчиками, рота противника с гитлеровским обер-лейтенантом Конрадом сложила оружие и сдалась в плен.

На рассвете 20 января и к середине дня 917-й стрелковый полк и наша разведка овладели товарной станцией, депо и складами, а к вечеру заняли железнодорожный вокзал. Прорвавшиеся с севера войска 48-й стрелковой бригады были встречены сильным огнём противника и остановились. Тем временем 921-й стрелковый полк нашей дивизии ворвался на восточную окраину города, 925-й стрелковый полк захватил деревни Коптево и Заликовье, вели бои на южной окраине города и

отрезали фашистам пути отхода на запад. Упорные бои продолжались весь день.

В результате упорных двухдневных боёв части 249-й и 360-й стрелковых дивизий, 48-й и 39-й стрелковых бригад при большой самоотверженности наших воинов и торопецких партизан, действовавших на территории Торопецкого района, был полностью освобождён наш древний город Торопец.

В Торопце были захвачены большие трофеи оружия и техники, продовольственные склады и горючее. В ходе боёв за город несколько подразделений и групп противника во главе с офицерами сдались в плен.

После освобождения города Торопца перед 249-й стрелковой дивизией ставилась и другая задача: овладеть станцией Старая Торопа. Для выполнения этой боевой задачи был направлен лыжный отряд из приданных дивизии 67-го и 68-го лыжных батальонов, в котором и мне с разведчиками особого назначения пришлось участвовать.

В ночь на 21 января, совершив большой лыжный марш, бойцы-лыжники окружили станцию. Против одной роты советских бойцов, проникших в посёлок с севера по торопецкой дороге, фашисты бросили все свои главные силы, намереваясь разбить атаку наших бойцов одним ударом, но просчитались. В этот момент отважные лыжники пустили в бой свои главные силы, сосредоточив их юго-восточнее посёлка. Вражеский гарнизон был разгромлен. К утру 21 января 1942 года боевая задача была выполнена.

В освобождённом посёлке и станции Старая Торопа пути отступления немцам из Торопца на юг были отрезаны. Противник оставил на поле боя большое количество убитых солдат и офицеров, значительные трофеи. Около 400 советских военнопленных, готовивших к отправке в фашистскую неволю, было

освобождено из фашистского лагеря. Было захвачено большое количество продовольствия, техники и оружия.

В этой наступательной операции особенно отличились бойцы 249-й стрелковой дивизии, и за успешные боевые действия в Торопецко-Холмской операции с выходом на железнодорожный узел Старая Торопа 249-я стрелковая дивизия была награждена орденом Ленина и преобразована в 16-ю гвардейскую».

Иванов Николай Иванович

Родился 18 декабря 1910 года в деревне Гусельниково Красногородского района Псковской области. Русский, член КПСС с апреля 1939 года. Образование среднее, воевал в 92-й ОСБ и 73-м стрелковом полку 33-й стрелковой дивизии 3-й Ударной армии на Калининском фронте. Имеет орден Красной звезды, медаль "За отвагу", "За боевые заслуги", "За победу над Германией" и юбилейные. После войны работал начальником 1-й части – зам. райвоенкома Торопецкого райвоенкомата, директором Торопецкого литейно-механического завода.

Вспоминает:

«В жизни фронтовиков, возвратившихся с войны, есть события, навсегда оставшиеся в памяти. Так и для меня, принимавшего участие в боях за освобождение населённых пунктов и городов Калининской области. Наша 33-я Холмско-Берлинская Краснознамённая ордена Суворова стрелковая дивизия прошла с боями от озера Селигер до реки Ловать, северо-западнее города Торопец.

Запомнились отдельные эпизоды.

1. В 1942 году шёл упорный бой на опушке леса у одного населённого пункта, враг упорно сопротивлялся при поддержке танков, артиллерии и самолётов, пытаюсь удержать населённый пункт. Наши войска вынуждены были открыть огонь из "катюш". Взятый в этом бою в плен немецкий офицер при допросе попросил его расстрелять, когда ему показали наше грозное оружие – "катюши".

2. После двухсуточных боёв был освобождён один крупный населённый пункт Осташковского района. На огороде у одного дома мы обнаружили трёх убитых немецких солдат, раздетых наголо, в чём мать родила, поставленных в снег, а по дороге, метрах в 200-300 от деревни, одна женщина обрубает мёрзлые ноги убитого немца, спрашиваю: "Что вы делаете»? Она отвечает: "Этот паразит снял с меня последние валенки, отрублю, в печи отопрею и сниму свои валенки", и далее говорит: "Родные вы наши, большое вам спасибо, что вы их здесь перебили, а то нам от них житья не было. Бейте как можно больше", а сама бросается нас целовать.

3. Три месяца шли уличные бои за город Холм Калининской области. Нашим войскам пришлось вести бои за каждый дом, улицу с 16-й немецкой армией, окружённой в этом городе. Наш 1-й стрелковый батальон занимал квадрат в центре города: район тюрьмы, хлебопекарня, столовая и здание райисполкома. Мы всю зиму при 36-градусном и более морозе жили и воевали в снегах, в развалинах кирпичных домов, иногда по 2-3 суток не было подвоза питания. При попытке доставить продовольствие по открытой местности много было убитых. Ели мёрзлое мясо убитых немецких лошадей.

4. В первом квартале 1942 года велись сильные уличные бои в Холме, в одном из боёв немцы оттеснили нас на окраину города, солдаты одной из рот стали ползком отступать в сторону Осташкова. В это время ко мне подбежал один солдат и доложил, что есть станковый пулемёт, но нет пулемётчика, а сам он стрелять не умеет. Я тоже никогда не стрелял в боевых условиях, (на учебных занятиях приходилось), но я лёг за пулемёт вместе с солдатом и открыл огонь по немцам. Сколько мы уничтожили немцев, я не знаю, но отступавшие солдаты вернулись, и атака немцев была отбита. Точно я не знаю, за что был награждён медалью "За отвагу", может быть, и за этот бой.

5. Вспоминается, как во время одного из боёв за Холм была освобождена и отправлена в тыл большая группа стариков, женщин и детей, как они благодарили нас за освобождение!

Окружённые немецкие войска в Холме снабжались продуктами питания, сбрасываемыми с транспортных самолётов. При появлении таких самолётов немцы открывали огонь из всех видов оружия, чтобы наши солдаты не видели места сброса продуктов, а потом давали ракету лётчикам о месте сброса. Наши солдаты тотчас давали в воздух ракету такого же цвета, указывая лётчикам место сброса в своём расположении войск. И лётчики, потеряв ориентировку, сбрасывали металлические баллоны с продуктами куда придётся. Если баллон падал на нейтральной полосе, за ним начиналась охота с обеих сторон. Бывало, что за такой баллон погибало 3-5 и более солдат. Интересен тот факт, что один немецкий самолёт никогда не торопился сбросить свои баллоны, а когда остальные самолёты сделают сброс и удалятся, он сбрасывал баллоны на нашей

территории. Иногда в таких баллонах была записка, что эти продукты для Красной армии. В баллонах сбрасывались немцам продукты: чёрный хлеб из каких-то опилок, изготовленный в 1927 году, мешок гороха, консервы, масло, шоколад и сигареты с маркой Норвегии и др.

6. Противник имел в Холме большое преимущество в технике, пристрелял каждый квадрат площади города, в ночное время в воздух запуская осветительные фонари. Это очень затрудняло действия наших воинов и их передвижение. Мы создавали команды, которые из снега сооружали специальные защитные брустверы от дома к дому, от улицы к улице, чтобы под их защитой можно было бы передвигаться на животе. В солнечные весенние дни наши брустверы начали таять, тогда мы стали их сооружать из битого кирпича, такие сооружения немцы стали разбивать из миномётов. Не знаю, как в других батальонах, а мы стали делать брустверы из трупов немецких солдат и офицеров, они получались высокие, за такими брустверами можно было уже перебежать согнувшись, а не ползать. Если же немцы и разбивали такой бруствер, то из трупов снова было можно быстро восстановить бруствер. Немцы переходы делали из грузовых автомашин, нагруженных кирпичом, а между колёс натягивали брезент.

7. Одно время к нам в батальон прибыл офицер из политотдела дивизии, переводчик немецкого языка, с задачей: вести через рупор агитацию немецких солдат, призывать их к сдаче в плен. Мне было поручено указывать ему безопасные места для передач. Только он начнёт говорить, немцы открывают по нему огонь из всех видов оружия. Переждёт офицер в другое, третье место – всё повторяется сначала. Тогда призыв о

сдаче в плен он написал на красном материале и повесил его через улицу. Немцы били по лозунгу из миномётов до тех пор, пока не сбили его. Тогда офицер написал тот же лозунг на стене разбитого кирпичного здания, где размещался наш штаб батальона, а рядом с лозунгом нарисовал портрет Гитлера. Вот тогда не последовало ни единого выстрела по нашему зданию. Мы, офицеры штаба батальона, были ему очень благодарны за его находчивость.

8. Во время одного из боёв за Холм наша третья рота совсем прекратила ведение огня по противнику. Командир батальона приказал мне уточнить обстановку, и при необходимости принять на себя командование ротой и вести наступление в район расположения здания райисполкома и реки Ловать. По прибытии в роту я обнаружил, что в живых осталось только два сержанта и один раненый солдат. Командир роты был убит в снежном шалаше выстрелом снайпера противника в правый глаз. Раненого солдата я отправил в медсанбат, сержантов – в распоряжение комбата, а сам пополз в штаб батальона для доклада командиру. По мне открыл огонь немецкий снайпер, но я притворился убитым. Когда он прекратил огонь, я вскочил и бегом скрылся от него.

Кроме потерь от боёв с окружёнными частями, мы несли потери и от артиллерийских и танковых обстрелов из деревень Тараканово и Медово, которые находились в 3-7 км от города, а также от авиации противника. Короче говоря, не случайно нашей 33-й дивизии было присвоено название Холмской.

В боях за Холм только при мне погиб командир 73-го стрелкового полка майор Лобода С.Я, командир нашего батальона лейтенант Карноухов получил тяжёлое ранение, комиссар батальона ст. лейтенант Бетхер М. пропал без вести, много командиров рот и взводов было убито и ранено. После каждого наступательного боя батальон нёс потери убитыми и ранеными до 35-45 и более процентов личного состава. Не меньше имели потерь и немцы.

30 апреля 1942 года батальон получил приказ об освобождении Холма от немецких войск к 1 Мая. Всё командование батальона пошло в роты для непосредственного руководства боем. В этот момент противник открыл ураганный миномётно-пулемётный огонь, ничего не стало видно из-за огня и дыма. В этот момент я был ранен осколками мины и меня вынесли с поля боя.

По октябрь 1942 года я находился на излечении в эвакогоспитале, после чего был признан негодным к службе в действующей армии и направлен для прохождения дальнейшей службы в райвоенкомат начальником 1-й части – заместителем райвоенкома.

В 1946 году я окончил высшие курсы усовершенствования офицерского состава Министерства вооружённых сил СССР. В 1959 году уволен из рядов Советской Армии в запас по возрасту и на пенсию Министерства обороны в звании майора. До сего времени приходится носить несколько кусков фашистского поганого железа, которые почти ежедневно напоминают о Великой Отечественной войне.

Константинов Дмитрий Константинович

Родился 5 ноября 1922 года в деревне Романово Торопецкого района. Русский. Беспартийный. Образование 4 класса, до войны работал путевым рабочим Ярославской железной дороги. Во время войны служил в 182-м противотанковом дивизионе 131-й стрелковой дивизии. Имеет медаль "За оборону Сталинграда", "За доблестный труд в Великой Отечественной войне", "За победу над Германией". 14 сентября 1942 г. был тяжело ранен и после излечения, получив 3-ю группу инвалидности, вернулся домой. С 15 ноября 1943 г. по 20 мая 1946 г. работал военруком в Плоскошском РОНО. Затем работал зав. складом в доме отдыха в курортном районе г. Ленинграда, зав. складом Плоскошского пищекомбината, сторожем Плоскошского ЛПХ, зав. складом Плоскошского райпо. С 29 декабря 1976 г. по состоянию здоровья переведен на 2-ю группу инвалидности.

Вспоминает:

"Призван в армию я был 26 декабря 1941 года в городе Ярославле. Там формировался 182-й отдельный противотанковый дивизион и 131-я стрелковая дивизия. В марте 1942 года дивизия и дивизион были переброшены в Тульскую область, но в боях на этом направлении мы участия не приняли. В мае 1942 нас перебросили на правый берег Дона в район города Калача Сталинградской области.

Немцы бросили большие силы для захвата Калача. С фронта прорвать нашу оборону им не удалось, но они просочились на стыке с 35-й дивизией на левом фланге. В брешь они бросили около 100 танков и более 1000 солдат. Бой длился 2-е суток. В первый день нашему 182-му дивизиону удалось уничтожить 12

танков и много живой силы противника. На следующий день бой разгорелся с ещё большей силой. Наши солдаты дрались до последнего. Так, солдат нашего орудия Николаев Дмитрий, уроженец Ярославской области, был тяжело ранен, обе ноги у него были перебиты, но он не оставил поле боя и продолжал сражаться до тех пор, пока ему не перебило и обе руки. Бросились к нему фашисты. Николаев достал гранату, зубами выдернул чеку, взорвал фашистов и себя.

Дивизия перешла в оборону, шли упорные бои по всему фронту. В августе фашисты предпринимали отчаянные атаки, чтобы прорваться к Сталинграду. Они непрерывно бомбили наши позиции, город. Стоял кромешный ад. Город находился в сплошном огне и дыму. На подступах к Сталинграду я был ранен второй раз, затем в бою у высоты, номера которой я не помню, – третий. Нас было 68 человек, фашистов – более 350, с большим количеством техники. Трижды атаковали они нас, но не сбили с позиций. Но и нас осталось пятеро; было ещё трое раненых – офицера два и сержант. Поступил приказ эвакуировать раненых и штаб дивизиона. Только тогда мы оставили позицию. В этом бою я вынес из-под огня своего командира.

В сентябре 1942 года я был ранен у стен Сталинграда в 4-й раз. Лежал в полевом госпитале, оказалась газовая гангрена левой кисти руки. Был эвакуирован в Энгельс Саратовской области, затем в г. Орск, где и был до 27 мая 1943 года.

Ещё в 1942 году, когда я был в боях за Калач, домой на меня пришла похоронная; погиб и похоронен в городе Калач. Тогда в боях за переправу очень много погибло наших солдат и офицеров. Но нам тогда на 3-й день удалось перейти Дон и вернуться четверым в свою часть. Но меня уже считали погибшим и дали похоронную."

Николаев Яков Николаевич

Родился 14 ноября 1914 года в д. Охряково Кочутского сельсовета, русский, член КПСС с декабря 1944 г. Образование 7 классов. В 1935 году вступил в колхоз и работал в нём. Призван в РККА в 1936 г. Прослужил до 1938 года. Был курсантом полковой школы, командиром отделения в 22-м стрелковом полку в Бобруйске. Мобилизован на фронт 7 июля 1941 года. Начал войну старшиной 1-й пулемётной роты 860 стрелкового полка, вместе с полком был в окружении и выходил из него. В звании старшины был назначен командиром взвода снабжения 1-го батальона 860 стрелкового полка. Участник боёв под Мценском, Орлом. В 1943 году был ранен и после госпиталя демобилизован. После демобилизации работал в Плоскошском исполкоме, леспромхозе, ОРСЕ Плоскошского ЛПХ. Имеет орден славы 3-й степени, медали: "За победу над Германией" и юбилейные.

Вспоминает:

"12-го октября 1936 г. я был призван в РККА, где и прослужил до октября 1938 года. Был курсантом полковой школы, потом командиром отделения 22-го стрелкового полка в г. Бобруйске.

Был призван по мобилизации на фронт Великой Отечественной войны 7 июля 1941 г. Плоскошским райвоенкоматом, зачислен в 860-й стрелковый полк в должности старшины 1-й пулемётной роты. Полк формировался в лагере им. Ворошилова недалеко от города Калинина, на Волге. Потом погрузились в вагоны и поехали на фронт на Украину.

Первое боевое крещение получил в боях за деревню Шатфиши в Сумской области. Здесь мы продержались не более 12 суток. Полк был разбит,

последовала команда: "Всем живым спасаться, кто как может". Мы уже были окружены фашистами. Я, старшина 1-й стрелковой роты Афанасьев, и сержант Лесков выходили из окружения вместе. Команда была выходить на хутор Михайловский Сумской области, но там уже был немецкий лагерь наших военнопленных. Мы не попали в плен благодаря нашим железнодорожникам, которые нас предупредили о немецком лагере. Мы перешли через полотно железной дороги и подались в брянский лес, а потом к Курску. Здесь выходила из окружения наша танковая часть, с ней мы и вышли из окружения. В пути мы питались, чем попало, но когда встречали советских людей, они принимали нас, как своих, никогда не отказывали в еде.

Когда соединились со своими войсками, вновь начали формировать полк. Я в звании старшины был назначен командиром взвода снабжения 1-го батальона 860-го стрелкового полка. После окончания формирования наш полк перебросили в Орловскую область, где мы заняли оборону под городом Мценск. Здесь мы находились до июля 1943 года. В это время наши войска перешли в наступление, город Мценск был освобождён и мы двинулись под Орёл. 22 июля 1943 года я был ранен осколком. После лечения в госпитале снова вернулся в свой полк. 5 августа 1943 года Орёл полностью был освобождён от противника.

18 октября 1943 года я был тяжело ранен уже в Смоленской области. Ранение в голову, направили на излечение в госпиталь города Казани. После восстановления здоровья (правда, левого глаза я лишился) был комиссован и признан негодным для несения воинской службы. Меня направили в распоряжение Плоскошского райвоенкомата по месту моего жительства."

Оррик Александр Иванович

Родился 8 октября 1925 года в д. Фомино Торопецкого района. Эстонец. Член КПСС с апреля 1950 г. Образование 10 классов. С февраля 1942 года – школа ФЗО и военный завод в Москве, с июня 1944 – 32 танковый полк 2-го Белорусского фронта, слесарь роты технического обслуживания, в армии был до 1952 года. Демобилизовался старшим сержантом технической службы. Работал рабочим в Плоскошском мастерском участке.

Вспоминает:

«В феврале 1942 года после освобождения территории Торопецкого района от немецких оккупантов я был мобилизован в школу ФЗО № 14 на 82-й ремонтный завод города Москвы, где работал слесарем-мотористом по ремонту танков иностранных марок, а также трофейных немецких. Этот завод находился на Нижегородской улице, организован он был на базе завода подъёмных сооружений. Там вместе со мной работали земляки: Рутковский И.И из Торопца, Алтесар А.И. из д. Пожня и другие.

Много мы писали заявлений в Таганский РВК с просьбой отправить на фронт, но постоянно получали отказ. В июне 1944 года с завода на фронт отправлялся эшелон с танками, я договорился с начальником эшелона, капитаном (не помню его фамилии), и он нелегально посадил меня в эшелон. Так я и прибыл на фронт в район города Ковель у реки Западный Буг. Здесь меня зачислили в роту технического обслуживания 32-го танкового полка, который находился в составе кавалерийской казачьей дивизии. Командовал ею генерал-майор Белов. Вместе с нами действовали также и польские войска.

Вместе со своей частью участвовал в освобождении польских городов Хельм, Люблин (кстати, так были освобождены узники концлагеря "Майданек"). Затем Варшава (мы участвовали в её окружении с южного направления), форсирование Вислы, Лодзь, Познань.

На немецкой территории мы действовали в районе городов Шверин, Кюстрин, с северного направления окружали Берлин и вышли к реке Эльбе в районе города Ратенова.

Моё личное участие в боевых действиях заключалось в как можно скорейшем восстановлении подбитых танков, приходилось их ремонтировать и под огнём противника. Моим напарником и наставником был сержант Пивоваров (не помню сейчас его имени и отчества).

Был награждён двумя медалями "За отвагу", были вручены временные удостоверения на медали "За освобождение Варшавы", "За взятие Берлина", имел несколько благодарностей Верховного Главнокомандующего.

После Дня Победы нашу часть перебросили к иранской границе в район города Нахичевань, здесь меня направили на курсы арт. мастеров. По окончании их мне предложили продолжить службу в эстонской национальной части. Я дал на это своё согласие и меня в августе 1946 г. командировали в город Таллин в 118-ю гвардейскую эстонскую стрелковую дивизию. По пути следования, в Москве, во время переезда на трамвае с одного вокзала на другой, у меня были похищены все документы, в том числе и полученные медали. После моего заявления об этом в комендатуру города Москвы меня временно, до выяснения обстоятельств, определили в город Лихославль в 187-й отдельный строительно-монтажный радиобатальон. В феврале

1947 года я был направлен в Таллин в эстонскую часть и прослужил там до июня 1952 года. Демобилизовался в звании старшего сержанта технической службы с должности заведующего артхранилищем».

Харитонов Михаил Никандрович

Родился 7 июля 1926 года в деревне Захаркино Торопецкого района. Русский, член КПСС с декабря 1960 г. Образование 5 классов, в армию призван в ноябре 1943 года. Служил в 359-м запасном стрелковом полку, на фронт ушёл в 318-й стрелковый полк 108-й гвардейской стрелковой дивизии. Был пулемётчиком, имеет медали: "За освобождение Советского Заполярья", "За победу над Германией" и юбилейные. До 1950 года в армии. Был шофёром в отдельном учебном батальоне.

После армии работал шофёром в артели "Красная звезда", в 1956 – 1961 – шофёром в Торопецком леспромхозе, с 1961 года – шофёр лесоучастка в посёлке Мартисово.

Вспоминает:

«9 ноября 1943 г. меня призвали в армию и направили в 359-й запасной стрелковый полк. При первом же наборе на фронт я ушёл из полка и воевать начал в 318-м стрелковом полку. Боевые действия полк начал в Карело-Финской ССР. Здесь нам пришлось ходить в тыл противника.

Шли мы четверо суток по непроходимому болоту и, выйдя на небольшую сопку, сделали привал. Задние ещё подтягивались, а передние уже хотели двигаться

вперёд, как неожиданно мы были обстреляны автоматным и пулемётным огнём. Нас сразу же много полегло, а я с пулемётом отражал атаку немцев до последнего, не слыша команды к отступлению. Вдруг меня кто-то сзади схватил за ворот. Я не долго думая, сразу же вынул гранату и поднёс её к зубам. Меня остановил голос командира роты, он скомандовал мне: "За мной!". Я схватил пулемёт Дегтярёва и побежал за командиром роты. Пули срубали ветки над головой, но шальной не оказалось для нас, мы пришли к нашим отступающим бойцам.

В эту ночь меня с пулемётом поставили в боевое охранение, и я уничтожал перебегающих немцев. Я лежал в низине, и мне на фоне неба было хорошо видно, как переходили финны. Их было 12 человек, но назад возвращались только семь, остальных я не видел.

Так мы перерезали дорогу, а дальше шли с боями до станции Папера (?), где и закончили бои с финнами.

После этого нас перебросили на защиту Заполярья, где я и получил медаль "За освобождение Советского Заполярья". Высадили нас на станции Кола, и дальше мы шли всё по скалам. С какого места вступили в бои с немецкими захватчиками, я не помню, так как здесь населения не было, одни лишь сопки окружали нас. С боями дошли до Петсамо (ныне Печенга). Форсировали горные реки Печенгу и Титовку, освободили Печенгу – портовый город. Я со своим пулемётом всё время находился на передовой, так и дошёл до Норвегии.

Ночью на плотках перебрались в Норвегию, начались бои за её освобождение. Здесь мы захватили аэродром, взяли город Керкенес.

Немцы ушли из Норвегии, нас перебросили в Польшу. Пришлось освобождать Гдыню, Данциг,

вышли к Балтийскому морю. Потом пришлось принять участие в разгроме штеттинской группировки противника. Форсировали Одер и снова вышли к Балтийскому морю. Затем мы освободили по приказу Сталина остров Рюген и здесь встретили Победу”.

Шкирнёв Иосиф Степанович

Я, Шкирнёв Иосиф Степанович родился 28 августа 1923 года в деревне Альшуты Усвятского района Псковского уезда. Семья наша была большой, многодетной. Я был самым последним ребёнком, семнадцатым. Родился очень слабым и меня сразу окрестили хилым. Из всех нас выжило только 8 детей (Ксенья, Иван, Анюта, Марина, Герасим, Степан, Иван и я, Иосиф).

Отца звали Степан Тимофеевич, он занимался хозяйством, у нас имелся участок земли, была животины, продукцию – и молоко и мясо – сдавали государству. Мать, Вера Яковлевна, занималась по дому и детьми. Жили мы бедно несмотря на то, что держали своё хозяйство. Мяса мы почти не видели, отец оставлял дома только потроха (лёгкие, печень, почки). Вот из этого мать и варила нам еду. Иногда молоко оставалось. Старшие братья ловили рыбу, да и природа помогала грибы, ягоды собирали. Вот так и выживали. Эта пища оставила свой след – я до сих пор люблю ливер.

Игрушек у нас не было. Как подрастали, мы помогали родителям по хозяйству. Мать говорила, что я маленький любил играть в песочек – пересыпать его из одной руки в другую и о чём-то думать. Я так мог играть часами. В детстве я много болел, родители

даже думали, что я умру как другие мои братья и сестра.

Но судьба благоизволила по-другому и сколько же испытаний она мне приготовила!

Когда я научился читать, то полюбил брать книги для чтения, через них я узнавал много нового. Учился я в Чуриловской семилетней школе.

В конце 1920-х годов наша семья вступила в колхоз.

Однажды я пришёл из школы домой и вижу такую картину: мать сидит за столом, рядом отец. Мама причитает: «Что же мы наделали? Зачем заявление антихристу подали?» Через какое-то время отец вышел из колхоза.

Вскоре нашу семья раскулачили: отобрали избу, постройки, зерно и скотину – оставили нам только маленький сарай. Удалось сохранить лишь несколько мешков муки, потому что отец сумел заранее её спрятать. Вскоре отец был арестован и выслан. А хутор, на котором мы жили, отошел колхозу, а нам дали новый участок земли, довольно большой, но на болоте.

Я окончил 7 классов Чуриловской школы и в 16 лет уехал из деревни в Великие Луки поступать в медицинское училище на вечерние курсы, одновременно я работал в Гортопе кассиром и счетоводом. Отучился я там 3 года.

Там меня и застала война. Я хотел отправиться на фронт, но по возрасту меня не взяли, мне ещё не исполнилось 18 лет. Вскоре за мной в город приехал отец и забрал в родную деревню. А через некоторое время в деревню приехали немецкие солдаты. Они заставили всех жителей строить дороги и рыть окопы.

А через некоторое время нашу семью арестовали по подозрению в связях с партизанами. Мать действительно носила партизанам в лес еду. И нас всех отправили в концлагерь, мать с сестрой держали

отдельно. Нас подвергали жестоким пыткам, издевались так, что мясо отставало от костей, били по спине, голове. Меня с отцом и братом в течение всей войны постоянно перевозили из одного лагеря в другой. В одном из лагерей нас с братом разлучили.

В 1944 году я встретил врача русского происхождения, который с 7 лет проживал в Германии. Он меня пожалел и добился, чтобы меня перевели в лагере на должность фельдшера. С этого момента жить мне стало намного легче: я мог свободно ходить по лагерю, мне давали больше еды, и я даже мог иногда украдкой читать газеты. Вскоре я узнал, что отец умер в лагере от тифа, а мать с сестрой находятся в Чехословакии. Уже в самом конце войны мой знакомый врач помог мне найти брата и вместе с ним выехать в Чехословакию к матери и сестре. В это время они были домработницами в богатой чешской семье, в которую мы с братом тоже устроились подсобными рабочими.

5 мая 1945 года вся наша семья была освобождена американскими военными и передана советской стороне. Нас направили в фильтрационные лагеря в город Циттау, в котором я находился до сентября 1945 года. После освобождения из лагеря я вернулся в родную деревню Альшуты.

Устроился я на работу – счетоводом на спиртзавод. А в ночь с 1 на 2 июля 1947 года был арестован органами НКВД и направлен в город Усвяты Смоленской области. Мне предъявили обвинение в пособничестве фашистам и вынесли приговор – 10 лет лишения свободы.

Сначала меня направили в распределительный лагерь в Караганде, затем я работал на медных рудниках в Степлаге (город Джезказган), а в 1949 году

меня перевели на сельхозработы. После смерти Сталина до марта 1956 года, я работал фельдшером. В 1957 году меня реабилитировали, я вышел на свободу и жил сначала у своей сестры в городе Великие Луки, потом перебрался в деревню Сидоровщина Торопецкого района, и почти полвека я проработал фельдшером в Краснополецком крае. Жил по совести, как мог, старался помогать людям. Когда работал фельдшером, в любую погоду, днём и ночью, запрягал лошаденку и ехал к пациентам. Ведь они нуждались в моей помощи.

Я никогда не любил сидеть без дела, занимался домашним хозяйством, когда был чуть помоложе, плёл сети, ловил рыбу. Сейчас мне 95 лет. Живу в деревне Краснополец.

Часто вспоминаю тяжёлые годы своей жизни, своих соратников по камере и песню, которую с ними пел. «Ніч яка місячна» - украинская песня.

Ніч яка місячна, зоряна, ясна!

Видно, хоч голки збирай.

Вийди, кохана, працею зморена,

Хоч на хвилиночку в гай.

В переводе на русский язык звучит так:

Ноченька лунная, летняя, ясная,

Звёзды так ярко горят.

Выйди любимая, за день усталая

Хоть на минуточку в сад.

Эта песня о любви - моя любимая. А ещё люблю «Одинокую гармонь». Эти песни я пою по праздникам, в дни рождения, и, обязательно, в День Победы - 9 мая. И вспоминаю своих товарищей, друзей, которых уже давным-давно нет.

Несмотря на то, что мне пришлось пережить, на

жизнь смотрю с оптимизмом. С супругой Любовью Сергеевной мы живём в любви, согласии и взаимопонимании. Когда мы вместе сажаем огород, я сочиняю частушки:

Утром я беру лопату
И копаю грядки.
Люба сеет семена,
У нас всё в порядке.

Когда у меня спрашивают секрет долголетия, я говорю о том, что человек должен быть добрым, верить в Бога, и относиться к людям и ко всему живому с искренней душой и любовью. Надо уметь прощать обиды, дарить людям радость. А с медицинской точки зрения: человек должен быть в движении, трудиться, а питание должно быть в меру! Надо всегда употреблять молочные продукты, рыбу, мёд, а на мясо налегать не надо. А и людям надо всегда желать здоровья и благополучия. И тогда Вам долголетие будет обеспечено!

Захаров Игорь Григорьевич

Я, Захаров Игорь Григорьевич, родился 12 мая 1930 года в городе Сольцы Новгородской области. Жили мы в доме на берегу реки, через запруду была мельница. Опасно было переходить запруду, но я переходил и ловил рыбу. Возле дома был большой сад. Осенью мы собирали урожай и делили его между жильцами, которых было около 20 человек.

Когда началась Великая Отечественная война, город уже в июле был оккупирован немцами.

В начале февраля 1944 года приехал немец вместе с русским и приказал всей семье, т.е. отец, мать, младший брат (1938 года рождения) готовиться к отправке в Германию. Везли нас всех в вагоне, в котором было очень тесно.

В Германии остановились мы в городе Ветцларе. Лагерь, в который нас определили, назывался Лан.

Бараков было много, но мы все были вместе в семейном лагере: мать, отец и дети. Взрослых кормили неочищенной картошкой, а детям картошку чистили. Хлеб был с добавлением опилок.

В лагере были люди с Украины, Белоруссии, России, забранные с первых дней войны.

Отец, которому было 64 года, вместе с другими мужчинами работал в каменоломне. Они заготавливали известковые камни, которые потом сжигали в печах и получали известь. Это были небольшие печи, и меня заставляли их чистить, так как туда мог залезть только подросток. Вылезти из такой печи можно было только ногами назад.

Молотую известь из-под крана засыпали в мешки, она попадала на лицо, разъедала глаза, рот. Отсюда у меня пожизненная бронхиальная астма.

В Германии отец умер.

Наши союзники, американцы и англичане, громили красивые немецкие домики-этажки. Всё это мы видели, когда нас гоняли работать на завод. Работал я разнорабочим на погрузке металла.

Освободили нас американцы. Когда мы возвращались домой, то останавливали грузовики и выходили смотреть на груды костей сожжённых в лагерях людей. На грузовиках нас сначала везли к Эльбе, потом поездом туда, где были советские войска.

Так мы попали в город Торопец. Мать хотела ехать в Холм, откуда она была родом, но потом осталась в эвакуационном пункте, который находился на улице Бердыши, где позже был «Межколхозстрой». Там мы жили, пока не нашли работу в Промкомбинате. И там была мельница.

Я работал учеником в столярке, а жили мы в «шаповалке», так назывался домик, в котором валяли валенки, это помещение ДОЗа. Затем мать устроилась техничкой в сельскохозяйственный техникум. Тогда мы уже стали жить на Октябрьской улице, на первом этаже дома, где находилась лаборатория, а потом в общежитии на улице Карла Маркса.

Я работал и одновременно учился в вечерней школе. За один год закончил 4-й и 5-й классы школы и поступил на заочное отделение Щёлковского деревообрабатывающего техникума под Москвой. Получил специальность технолога мебельного производства. Работал я в столярке СМУ «Гражданстрой», преподавателем труда во 2-й школе, которая находилась тогда на улице Карла Маркса. Стаж столярной работы 25 лет. Около 19 лет работал страховым агентом, обслуживал Плоскошь и Волок. Оттуда ушёл на пенсию, но продолжал работать до 1999 года. Мой общий трудовой стаж – 54 года. Где бы я ни работал, трудился добросовестно, неоднократно награждался Почётными грамотами и пользовался уважением своих коллег. Вредных привычек у меня никогда не было.

Любимые занятия – чтение книг и рыбалка.

С женой мы прожили в мире и согласии 51 год, вырастили замечательных детей.

Младший брат по комсомольской путёвке уехал вместе с матерью в город Балаково Саратовской

области. В июне 1963 года мать умерла. А брат Олег и сейчас живёт в городе Саратове.

Иванова Вера Алексеевна

«С началом войны прошла мобилизация мужчин, стоявших на учете в военкомате. Брали для Красной Армии и лошадей. А в нашем правлении колхоза им. Кирова был разработан план эвакуации женщин, детей, стариков. Четверо человек направили отгонять колхозный скот в район Красного Холма.

Уже в начале июля над нашим сельсоветом летали немецкие истребители, мимо ехали и шли толпы беженцев, отступали красноармейцы. Немецкие истребители постоянно вели обстрел. Мы были свидетелями того, как были сбиты два наших самолета. Один из них упал на поле. Горел самолет, горел летчик, рвались снаряды. Подойти было невозможно, наши солдаты попытались хоть что-то предпринять, но немцы не дали, продолжали обстрел. Второй самолет упал в болоте недалеко от деревни Митьково. Ну, а туда никто и не пытался пройти.

28 августа в нашу деревню пришли немцы. Мы в это время были в лесу, с собой взяли корову и кое-какие вещи. Мой отец и старший брат Василий были мобилизованы. Вестей от них тогда еще не было. Мы видели, как горела наша деревня. Немецкие солдаты сожгли дома Марии Новиковой и Николая Трофимова, убили старого И.П. Грищенко. Они забирали оставшуюся живность: поросят, кур, разоряли улья.

Трое наших мальчишек решили пойти в деревню, узнать, что ж всё-таки горело. Они попались немцам, те посадили их в машину и отвезли на мост. Враги хотели знать, не заминирован ли он. После такой проверки ребят отпустили.

В лесу мы жили неделю. Немцы навестили нас там уже в первый день, приезжали на велосипедах и мотоциклах, это были разведчики. Приходили к нам и наши солдатики, приходили голодные, мокрые, но винтовки не бросали. Они спрашивали, как можно пробиться к своим.

Немцы хозяйничали у нас до 22 января, отбирали скот, теплые вещи. 18-19 января немцы спешно стали отступать. Мальчишки из Воробьев, чем могли, старались навредить неприятелю. Так у них созрело решение подорвать Воробьевский мост. Они придумали следующее: закрыли плотину, а когда накопилась вода – открыли, от сильного напора воды деревянный мост снесло, а объезда нигде нет. Немецкие солдаты пришли в деревню с автоматами и потребовали отремонтировать мост. Пришлось и тем, кто разрушил, заниматься его восстановлением.

При отступлении немцы забирали с собой наших пленных, пленных было немало. В одну из ночей к нам в дом немецкий солдат привёл 12 пленных. Мать затопила печь, сварила два больших чугуна картошки в мундире. Вместе с пленными ел немец. Вскоре все заснули, мать стала будить пленных, советовала им уходить и даже обувь приготовила, в основном лапти, чтобы их не нашли по следу. Но бежать согласились только трое, а один спрятался на чердаке. Остальные пленные ответили, что они не смогут уйти, сил нет.

Утром к нам пришел немецкий офицер. Кричал на мать, стучал автоматом и на пальцах показывал, куда могли деться четверо пленных. Но всё же ушел. Помню, один раз, когда через деревню вели пленных, одна из женщин, А.И. Лопушенкова, вынесла им в решете варёной картошки. Конечно, голодные пленные сразу накинулись на еду. Немцы сначала

кричали, а потом стали стрелять в них, убили трех наших солдат.

Беды можно было ждать с любой стороны. Так, опять же уже во время отступления немецких войск мой брат на лошади отвозил вещи в соседнюю деревню, а когда возвращался, немец схватил его и приказал везти на Великие Луки. Брат показал, что ему надо потеплее одеться. Он спрятался в доме Агриппины Никитиной, а у неё у самой семеро детей. Наверное, только потому, что очень торопился, немец не стал обыскивать дом и не убил хозяйку, но кричал и грозил сильно. Потом сам забрал лошадь и уехал.

22 января, утром, пришли наши войска. Женщины заплакали, запричитали. Солдатик, прятавшийся у нас на чердаке, сразу же побежал к своим. Наши солдаты ехали на машинах, лыжах. Привезли много трофеев, среди которых были конфеты, керосин. Встречать освободителей собрались все жители, но и эта радость была омрачена. Неожиданно прилетел немецкий самолёт и стал стрелять. Во время обстрела погибла Матрёна Лейб, у неё остался маленький сын Ваня. Его отец погиб на фронте, на воспитание ребёнка взяли родственники.

А немцы укрепились в Великих Луках и ещё год находились там. Немецкие самолёты продолжали бомбить нашу деревню. Был разбомблён дом Ф. Родькина, наш был пробит осколками, рамы выбиты. Истребители появлялись, как правило, в местах большого скопления людей и начинали бомбить, сея смерть, панику, ужас.

В феврале 1942 года нас, подростков, мобилизовали от колхоза имени Кирова на расчистку дороги Торопец – Великие Луки. Зима в этот год выдалась снежная, крепкие морозы стояли. Как только приходили на работу, военный давал команду

выкопать каждому себе окопчик, куда мы должны были укрываться при объявлении «воздух». Немецкий истребитель, чёрный с желтыми крыльями, появлялся регулярно, не обходилось без жертв. Мы, полуголодные, копались в снегу, выполняли всё, что от нас требовалось. Вскоре мобилизованным стали выдавать сухой паёк, ходили со своим пайком в воинскую часть, располагавшуюся тогда в деревне Семивье. Помимо пайка, командир выдавал каждому справку о выполнении нормы, колхоз ставил за это трудодень, на который мы получали что-либо от колхоза, в основном давали зерно.

Война оставила не только недобрые воспоминания в душах людей, но и таящие смерть военные трофеи. В нашей местности, по имеющимся данным, самое большое количество мин и снарядов было оставлено. Как-то пошла я порубить дров в кустарник, где сейчас колхозная мастерская находится, там, в основном, ольха да кое-где ели росли. Смотрю, шишки еловые на земле валяются, хотя будто бы и не место им тут, слишком далеко от елей. Подошла поближе, чтобы разглядеть получше, оказалось, мины это, очень по форме на шишки еловые похожи, но размером побольше. Склад мин и снарядов обнаружили в сарае, да и всюду было небезопасно ходить. Так, на поле подорвался 16-летний подросток, а позже ещё пять мальчиков: четверо насмерть, один получил ранение. Тяжело об этом вспоминать.

Много горя принесла война, кровопролитная и разрушительная, много жизней унесла. Никому, не дай Бог, пережить такое жестокое время. Пусть никогда больше не рвутся мины и снаряды, а люди не испытывают ужаса, голода, нищеты. Пусть будет мир во всём мире.

Мои земляки стараются, чтобы память о тех трагических днях не была стёрта. В сознании каждого человека должна быть ненависть к насилию и убийствам. Война – это страшно.»

Клавдия Борисовна Борисова

Я, Борисова Клавдия Борисовна, родилась в 1916 году в деревне Пчелино Лужанского сельсовета. Семья наша крестьянская, занималась земледелием. Мне в 12 лет приходилось работать в поле на уборке урожая – серпом жать, цепями вымолачивать зерно на току, (вы и понятия не имеете, что это такое). Окончив начальную школу, я поступила в Торопецкую школу. Это было в тридцатые годы прошлого века. На тот момент в школе было десять пятых классов. Директором школы был Гулейков М.А. Кажется, в шестом классе, вдруг в школе не стало многих учителей. Пошёл слух, что их арестовали. Мы плакали втихомолку, в уголке за сценой по любимым учителям.

Я хорошо помню годы раскулачивания. В деревне Пчелино забрали и вынесли семью Петровых. Они хорошо работали на земле. Семья у них была большая, а работали от зари до зари. Вот из той семьи живёт в деревне Подгороднее Трошина Антонина Николаевна. А после начались годы коллективизации. Очень немногие шли в колхозы добровольно. Налогами называлось твердое задание, которое выплатить было невозможно.

В самом Пчелино организовали колхоз «Красный крестьянин», а всего в Лужанском сельсовете было 15 колхозов. Люди стали привыкать к новой жизни. Стали появляться на полях трактора и другие сельхозмашины. Тогда существовала МТС. И вот

новое потрясение - с хуторов жителей стали переселять в центр колхоза. Не хотелось людям уходить с насиженных мест. Срывали крыши, рушили дома.

Я в 1933 году из седьмого класса перешла на курсы учителей. Окончив курсы, меня направили работать в Савостинскую начальную школу Михайловского сельсовета. Шли по большаку, проходила машина, мы с ребятами бегали смотреть следы, оставленные машиной. Это была для нас диковина.

Когда началась Великая Отечественная война, я вновь попала в своё родное Пчелино. Оккупация. Люди уже привыкли переживать трудности вместе. Вечерами собирались в одну хату, вместе вроде смелее. Чаще всего собирались в доме моего отца, всё-таки хоть и пожилой, но мужчина. Он всегда верил, что наша армия разобьёт немецких оккупантов. Когда прогнали немцев с нашей территории, радости было, как встречали наших освободителей.

Пришла весна. Надо браться за дела. Начали пахать. Лошадей осталось, а рабочих рук мало. Все тяготы легли на плечи стариков, женщин, подростков. А в июне месяце подростков 1926, 1927, 1928 года забрали в школы и училища. Остались за мужчин ребяташки рождения 1929, 1930, 1931, 1932 годов. Они пахали, бороили, сеяли. Приходилось запрягать бычков, коров, на которых пахали, копали землю лопатами, но всё-таки сеяли. Страшно вспомнить, чем питались и как выжили, не понятно. В колхозе работали за «палочки», по которым ничего не получишь, но люди работали.

Окончилась война. Стали возвращаться с войны инвалиды. Один сосед пришёл без ноги, другой без руки, многие вовсе погибли, но нужно налаживать

жизнь. Люди умели работать и умели отдыхать. В субботу, в самой просторной избе, зажигалась керосиновая лампа и под простую русскую гармошку весело и интересно гуляли. Я не помню, чтобы на таких вечеринках были пьяные. Летом на поляне строили качели, устраивали игры, разные состязания. Было весело, интересно. Так ожила деревня, после потрясений за эти страшные годы.

Всё это я видела и переживала вместе со своим народом, соседями, жителями села.

Надежда Дмитриевна Бурлакова (Иванова)

Я родилась в городе Торопце. Отец мой, Дмитрий Иванович, 1895 года рождения, был родом из деревни Малаши. Отец его умер рано и он жил с мачехой. Жилось ему несладко. Мачеха отправила его в Торопец, где он устроился на работу в аптеку Писаревского: мыл аптечные склянки, собирал травы. В 1921 году он женился на девушке из соседней с Малашами деревни Гритьково, моей маме, Ольге Кузьминичне, 1900 года рождения. Вполне возможно, что познакомились они на ярмарке в деревне Чистое. Отец вспоминал, как они ходили туда на ярмарку.

В Торопце у них родилось двое детей, моя старшая сестра Александра, 1924 года рождения, и брат Николай, родившийся в 1926 году. В поисках лучшей доли семья уехала в Сибирь, но пробыли они там недолго. Отец работал на железной дороге и с ним случилось несчастье, он попал между двумя вагонами и повредил позвоночник, стал инвалидом. Семья вернулась в Торопец. 25 апреля 1932 года родилась я. Жили мы на улице Заводская набережная, д. 30. Я и сейчас живу по этому адресу, только вместо нашего

старенького дома сын построил мне другой, на территории нашего двора.

Держали мы хозяйство, у нас были корова, поросята, куры. Был большой огород, так что работы хватало всем. На лодке плавали в Знаменское заготавливать сено.

Отец работал в артели «Новая жизнь», которая находилась на Красном валу. Он был бригадиром сторожей, а потом и сам стал сторожить. У отца был красивый голос баритон, какое-то время он даже пел в церковном хоре. Мама работала по найму: она пряла лён и делала из него дратву. Я помню, что в доме всегда было много клубков.

Помню, как мы всей семьёй ходили в городскую баню. Очереди всегда были большие, особенно женская. В раздевалке стояли шкафчики для одежды, которые не запирались. У меня однажды украли платье с блёстками. Это было для меня тогда трагедией.

В моечном отделении на цементном полу стояли широкие деревянные лавки, на которые женщины ставили цинковые тазы и мылись. Однажды, когда мне было года четыре, я потерялась в бане. Там же все одинаковые и я подошла к каким-то тётенькам, думала, что там мама, а её там и не оказалась. Я испугалась и заплакала.

Баня у нас в городе была хорошая, душистая. Отец с братом заканчивали мыться раньше и ждали нас. А потом мы все вместе шли в буфет, где нам покупали лимонад или квас из бочки.

Одежду в магазине мы не покупали, шила нам её портниха Мария Васильевна Кожевникова и мать моей подруги тётя Нина Мухина.

А обувь детскую родители покупали в магазине. А ещё папа во время войны и после делал из резины калоши-тапки, которые мы все и носили.

Вместе с моей подругой и соседкой Алей Мухиной мы 3 года ходили в детский сад, который находился недалеко от нашего дома. Позже на этом месте построил свой дом Кашулин. В народе дом этот называется «кашулинским».

Вместе с Алей мы в 1939 году пошли в первый класс. Учились мы в Первой школе. Начальные классы занимались в отдельном здании. Нашей первой учительницей была Зинаида Павловна Леонтьева. Мы все её очень любили.

Я по дороге в школу заносила и отдавала в артель клубки с дратвой, которую сделала мама.

Перед войной люди стали активно скупать соль, спички, сахар. Вскоре магазин закрыли совсем.

В тот год, когда я должна была пойти в 3-й класс, началась Великая Отечественная война. Сестру Шуру мобилизовали на рытьё окопов.

Вскоре начались бомбёжки, было очень страшно. Во время налёта немецких самолётов, мы прятались в самодельном убежище, которое построил отец в конце нашего огорода.

А перед самым приходом немцев мы отправились в эвакуацию, поехали спасаться. Вместе с нашими соседями, с которыми мы всегда жили дружно. В телегу впрягли лошадь, загрузили её своими пожитками, привязали коров и поехали в деревню Липки. Остановились в каком-то большом доме. Мы не предполагали, что в Липки немцы придут раньше, чем в Торопец.

Помню, как в один из дней, мы, несколько семей: и взрослые, и дети, сидели вокруг большой печки. В это время на улице появились немецкие солдаты.

Несколько человек зашли и к нам в дом. В руках у них были автоматы, которые они наставили на нас. До сих пор помню глаза одного из них, большие, выпуклые. Страшно, конечно, было. Но, к счастью стрелять они в нас не стали.

Мы решили возвращаться в Торопец. Когда шли по дороге, на обочине, в кустах видели наших убитых солдат, защитников Торопца.

Вернулись в город и увидели, что он разграблен. На центральной площади были разорены все магазины. В одном из них я нашла себе красивую куклу. Удивительно, что её никто не утащил.

Я помнила, какие до войны были красивые магазины на площади в торговых рядах, там, где сейчас находится «Магнит». В одном из них стояла огромная сахарная баба, а на прилавках лежали сахарные «головы». Однажды, ещё до войны, папа взял меня с собой и купил мне маленький радиокюльчик и первую в моей жизни книжку. Это была «Сказка о рыбаке и рыбке» Александра Пушкина. Именно с неё началась моя любовь к чтению. Я была в семье самой младшей и папа меня баловал: покупал мне книжки, для моей куклы сделал кровать. Это всё было ещё до войны.

Вернувшись в разграбленный Торопец, мама с соседкой отправились на пекарню, которая тоже была разорена. Но они нашли и притащили домой в бадьях тесто, из которого мы несколько дней пекли хлеб.

А на улице, на которой мы жили, недалеко от нашего дома находилась немецкая пекарня. Мы с ребяташками, бывало, облепим забор и смотрим как немцы пекут хлеб. Они нас угощали своим эрзац-хлебом.

Немцев на нашей улице почему-то было много, может быть у них штаб был недалеко. Мы видели, как они по утрам выходили и делали зарядку. Наверху, на горе, в маленьком доме тоже жили немцы. Иногда они заходили к нам погреться, так как зима в том году была очень холодная. Удивительно, что они нас не обижали и с удовольствием ели наш хлеб испечённый из жмыха напололам с травой.

Однажды немцы хотели забрать корову у наших соседей Жуковых, но все ребяташки, мал мала меньше, высыпали на улицу, облепили корову со всех сторон, плакали и не давали уводить её со двора. И тогда немцы отстали. Махнули на корову рукой и ушли.

Конечно, мы знали о том, что творилось в городе. Видели виселицу, которая стояла на площади, слышали о казни Добрынкина, о том, что евреев расстреляли. Один из наших соседей, Алексей Алексеевич Русаков, в подвале своего дома прятал партизан. Многие об этом знали, но никто не выдал их немцам.

А мою подругу Алю и её маму немцы из-за черного цвета волос посчитали еврейками. А тётя Нина ещё и букву «р» плохо выговаривала. И тогда быстренько Мухины перебрались к Алиной тёте, которая жила на Комсомольской улице, и не показывались больше немцам на глаза.

В городском сквере, возле стадиона, находились наши пленные солдаты. Территория вокруг была огорожена колючей проволокой. Когда мы ходили к тёте, то брали с собой варёную морковь, картошку, свёклу и бросали им за проволоку. Немцы злились и кричали на нас. Потом, когда стало уже совсем холодно, их всех погнали по Комсомольской улице куда-то за город, в направлении деревни Речане. Они шли большим потоком, поддерживая слабых.

Тех, кто падал и не мог идти, немцы добивали.

Однажды очень многих жителей города, в основном, молодежь, согнали в Корсунский собор и там закрыли. Моя сестра тоже там оказалась. Говорят, что их всех должны были расстрелять, или отправить в Германию, но что-то или кто-то им помешал и их всех выпустили. Сестра, когда вернулась домой, долго плакала.

Моя старшая сестра Александра дружила с двумя сёстрами Бурлаковыми, Наташей и Зиной. Их семья жила в хорошем добротном доме на улице Высокой. В их доме тоже квартировали немцы и сестры Бурлаковы с этими немцами дружили. Один из них, Хейнц, приходил иногда и в наш дом.

Уже через много лет после войны на адрес сестёр Бурлаковых пришло письмо из Германии от Хейнца, того самого, который дружил с сёстрами. Он хотел узнать, как сложилась жизнь у Зины и Наташи. Прислал свою фотографию, на которой он был вместе с женой Эрной. Из Бурлаковых уже никого не было в живых. Так как я тоже носила эту фамилию, письмо передали мне. Я на него ответила и в течение нескольких лет мы с Хейнцем переписывались. В последнем письме он написал, что его жена больна раком.

Старший брат Зины и Наташи Георгий до войны был курсантом Чкаловского лётного училища. Когда началась война, их отправили на фронт, но до фронта они не добрались. На каком-то разъезде их полусонными захватили в плен и увезли во Францию. Там до окончания войны Георгий работал в лесу. А после войны его сослали в Магадан, где он провёл 15 лет. Вернулся в Торопец, когда ему было 40 лет.

А к нам домой однажды зашли немцы и два полица. Один из них был Александров. Он жил на Плавной улице. А второй, по фамилии Бугрецов, хотел забрать у отца большую канистру с керосином. Отец канистру не отдавал, ведь в ней хранился весь запас керосина, но полицаи всё тянул канистру к себе и всё-таки её забрал. Тогда сестра в сердцах сказала ему, что вот мол наши придут, получишь от них пулю. Так и получилось. При освобождении города был убит и Бугрецов, и Александров.

Хорошо помню, как освобождали Торопец. Незадолго до прихода наших, по улице прошли немцы, они махали руками и говорили, что им «капут». А через несколько часов появились наши солдаты в белых маскхалатах. Мы все стояли возле своих домов, в небе горел яркий большой фонарь, а мимо нас бесшумно двигались на лыжах наши солдатики.

Город от фашистов освободили, а бомбежки ещё не прекращались. Бомбили немцы, в основном, железнодорожную станцию, но и на город падали бомбы. Во время одного авианалёта убило мальчика Витю Блинова. Разбомбили аптеку, там тоже погибли люди.

Вскоре сестру забрали в прачечный отряд и она до конца войны стирала солдатское бельё, отстирывала окровавленные бинты. Было очень тяжело, приходилось носить много воды и стирать, стирать, стирать. Фронт движется и девчонки-прачки за фронтом. Так с прачечным отрядом она дошла до Тильзита. Вышла замуж за офицера.

После того, как немцев прогнали, ввели хлебные карточки. Очередь за хлебом была огромная и в ней надо было отмечаться.

Мы снова пошли в школу. В школе нам давали кусочек хлеба весом в 50 граммов. Так как здание 1-й

школы было занято под госпиталь, то мы ходили в школу, которая находилась в Доме пионеров. А для раненых мы шили кисеты, вязали варежки, носили им в госпиталь молоко.

О том, что война закончилась мы узнали от моей подруги Али. У них было радио и она прибежала к нам в 4 часа утра и закричала, что «Победа»!

Радость, конечно, была большая. Но и печаль: где-то там далеко с прачечным отрядом была моя старшая сестра. А у мамы на войне погиб брат Пётр Кузьмич.

В Доме пионеров мы проучились до 6-го класса, а затем снова перешли в 1-ю школу.

В 1949 году, закончив 8 классов, я поступила в Торопецкое педагогическое училище. По распределению меня послали в Киргизию, в Джалал-Абадскую область. Учила там русскому языку детей с первого по седьмой классы. Конечно было нелегко. Русский язык практически никто из местного населения не знал. Жили мы с учительницей математики, татаркой Фатимой, в маленьком саманном домике, построенном специально для учителей. Проработала я в Киргизии 3 года и вернулась в Торопец.

Стала работать в детском доме в Знаменском. На работу приходилось ходить пешком, а зимой ходили через озеро.

Я вышла замуж за брата Зины и Анны Бурлаковых - Георгия Ивановича. Мы были знакомы давно, дружили наши сестры, дружили наши родители. Немаловажную роль сыграло и то, что Георгий Иванович играл на гармошке, а я любила петь. Так что мы поженились. Вместе работали в Знаменском, я – воспитателем, а он трудовиком и музыкальным работником. Летом до работы мы добирались на мотоцикле, а зимой шли на лыжах через озеро.

У нас родилось двое детей: дочь Нина и сын Андрей. Они подарили мне внуков.

Когда детский дом в Знаменском закрыли, я работала на мясокомбинате, секретарём в сельскохозяйственном техникуме, а затем в Торопецком экскурсионном бюро. Откуда и ушла на пенсию.

Долгое время пела в ансамбле «Подруженька», которым руководила Нина Фёдоровна Векшина. А аккомпаниатором был талантливый музыкант Виктор Фёдорович Соломатин. После того, как ансамбль распался, я пела в хоре ветеранов торопецкого Дома культуры. Люблю цветы, огород. Но больше всего читать книги.

Моя старшая сестра Александра, которая во время войны вышла замуж за офицера, после войны служила с мужем в Германии. Потом перевелись в Среднюю Азию, в Караганду. А затем вернулись в Торопец, жили на улице Высокой. Их сын живёт сейчас в Твери, а дочь в Торопце.

Брат Николай после освобождения Торопца был отправлен в ФЗО на Урал, но скоро оттуда вернулся. Призвали его в армию. Служил в Наро-Фоминске. Вернулся в Торопец, закончил вечернюю школу. Затем он уехал в Ригу, поступил в техникум. Жил в Нелидове, работал технологом. К сожалению, рано ушёл из жизни, умер в 65 лет. Его сын 10 лет жил в США, но потом вернулся в Россию и сейчас живёт в Нелидове.

Для меня примером в жизни всегда были мои родители. Они прожили всю жизнь очень дружно, поддерживая друг друга в трудную минуту. До самой смерти они жили без ссор и скандалов. В уважении друг к другу, к другим людям.

Медведева Вера Ивановна

Я родилась в январе 1936 года. Мой отец, Петров Иван Михайлович, был с 1912 года рождения. А мама,

Надежда Ивановна, родилась в 1913 году. Жили мы в это время на улице Комсомольской. Нашими соседями были Дёмины, Сырицыны, Баламутовы, Кашеевы, Кочерыгины.

Мама занималась хозяйством: мы держали корову, поросёнка, сажали огород. Дедушка, Михаил Гаврилович, отец и его брат Николай работали до войны на 35-й базе.

Когда началась война, папу на войну не взяли, у него была бронь. А мы собирались эвакуироваться, собрали вещи. И уже подогнали машину, но маму кто-то отговорил, и она отказалась ехать. Вскоре у отца сняли бронь и его забрали в армию.

А мы уже перед приходом немцев собрались всё же уехать. Дед ушёл в деревню Горбы и там выкопал землянку, мы туда и отступали. На тележке лежал весь наш скарб, сзади привязали корову и верёвку, за которую я держалась. Моя тётка, папина сестра впряглась в оглобли. Там мы пробыли недолго.

Узнали, что в город вступили немцы. Дед отправил маму и её сестру посмотреть, как там наш дом. Тогда они в первый раз увидели немцев, которые ехали на мотоциклах.

Дом наш, слава Богу, оказался не занят, и недели через две мы вернулись домой.

Но вскоре к нам поселили немцев. Для них отгородили отдельный уголок в доме.

Мама работала на лесоповале. Немцы заставили вырубить лес от въезда к городу. Лес вывозили на

лошадях-тяжеловозах. А кони эти стояли по домам. В хлеву отгородили место от коровы и поставили коня. А он через загородку грыз хребет нашей корове. Чтобы ухаживать за коровой: доить, кормить убирать - маме приходилось просить немцев, чтобы они на это время придержали коней. Один из немцев был очень злой и страшный как чёрт, и череп у него был обтянут кожей. И однажды, когда мама просила его придержать коней, он их неожиданно отпустил и маме пришлось выбираться через загородку. Она зацепилась за петли и долго висела на них, пока они не порвались. А немец всё это время смотрел и хохотал.

До войны корова у нас была яловая и мы её поменяли на одну из тех коров, которых угоняли перед приходом немцев. Дед вырвал у неё из уха метку-тавро, но немцы определили, что корова колхозная и у нас её забрали.

Немцы отбирали сено для коней своих, картошку отбирали, выбракованных коней они резали на мясо.

Среди тех немцев, что жили у нас, был один поляк по фамилии Иванский. Он подкармливал иногда меня из своего пайка, однажды даже ириску принёс. Помню офицера, который ходил в длинной рубашке. Однажды он принёс большой кусок мяса и показал маме, чтобы она наделала котлет. Он бил себя по карману, приговаривая: «фрау и кляйн». Мы поняли, что он говорит о жене и детях. Иногда он давал мне хлебушко, не сухарики, а именно хлеб.

На Рождество офицерскому составу прислали подарки из Германии. В шкатулке была еловая веточка, на ней несколько свечек и маленький колокольчик. Свечи зажгли на Рождество, а колокольчик он мне отдал. В шкатулке ещё было зеркало и, наверное, прибор для бритья.

Почти все немцы играли на губных гармошках, которые были односторонние и двухсторонние. Несколько гармошек было у меня.

Запомнилось, как гнали осенью наших пленных в сторону Речан. Остановили их возле Городища в низине. Торопецкие женщины стали бросать им картошку, свёклу, морковку. Близко их не подпускали.

И зимой мы слышали лай овчарок. Это опять гнали русских военнопленных. Они шли медленно: кто сам, кто опирался на палку или костыли, кого-то вели другие пленные. Иногда раздавалась немецкая команда для овчарок, которые бросались на ослабленных пленных и сбивали их с ног. Тех, кто упал, немцы добивали. А утром вдоль дороги лежали окоченевшие трупы.

По осени на площади, там, где сейчас стоит камень к 900-летию города, была сооружена виселица. Однажды на площадь согнали всех, кто мог ходить. Мама закрывала мне глаза, чтоб я не видела, что там происходит. Но я увидела, что там висят 3 или 4 человека с табличками «Партизан» на груди. Повешенных долго не разрешали снимать.

Среди этих партизан мать узнала уполномоченного, который до войны занимался раскулачиванием. Семья моего дедушки по материнской линии была большой и трудолюбивой. Хозяйство у них было крепкое. Всего они добились своим честным трудом. Уполномоченный знал об этом и через мою маму посоветовал деду детей отделить. Дядя Леша уехал в Западную Двину, дядя Миша стал на Песочной улице строиться, а Дмитрий уехал в Кронштадт. Мамины сёстры вышли замуж. Дед распределил имущество между всеми своими детьми. А ему купили дом на

Малой Новинке и оформили его на Дмитрия. И вот оказалось, что во время войны он был партизаном.

Однажды жителей города согнали в церкви. Мама с дедом и тетей тоже оказались в Соборе. А мы с бабушкой были дома. В храме был разведен костёр и всех, кто там был должны были сжечь. Потом говорили, что глава города уговорил немцев не делать этого и всех отпустили.

Мама моя была с темными, вьющимися волосами, прямым носом и её иногда принимали за еврейку. Один из немцев направлял пистолет в её сторону и говорил «Юде». А я была светлая и кудрявая и кто-то из полицаев сказал ему, что наша семья не еврейская.

А потом пришли наши. Немцы их не ждали и оказались не готовы. Красноармейцы пришли на лыжах через озеро Соломено. Город освободили быстро. Захватили у немцев много оружия, продуктов, спирта.

Наши солдаты ещё некоторое время были в городе. Дедушке принесли мешок с мукой, на котором была нарисована свастика, и попросили напечь блинов. Пока блины пеклись, солдаты спали на полу, кто где пристроился. Видно устали от боёв. А потом они передохнули и ушли в сторону Великих Лук, где укрепились немцы.

В 1942 году после ранения под Старой Руссой вернулся домой отец. Он прожил не долго, сказалось ранение, и он умер в 1956 году.

После того, как прогнали немцев, ввели продуктовые карточки. На каждый день были талоны, по которым выдавали хлеб. Норма была такая: взрослые – 500 гр. хлеба, дети – 400 гр., иждивенцы – 300 гр. Иногда давали сахарный песок. Его варили, чтобы разделить по кусочкам. Талоны раздавал уличком Репнин Аркадий Иванович.

В 1943 году я пошла в школу. Я училась в 1-й школе с самого 1 класса. Только во время войны школа, находилась на Советской улице, там, где сейчас Дом детского творчества.

Моей первой учительницей была Грушина Ольга Ивановна. Она была из эвакуированных. Класс наш был большой, но она обошла все семьи и знала кто как живёт. В 4-м классе нас учила Екатерина Ивановна, фамилии её я не помню. И нас уже перевели на улицу Комсомольскую, в здание на берегу, где и была начальная школа. Классы в те годы были большие, в них учились до 40 человек.

В 1945 году родился мой брат.

В детстве у нас не было много игрушек, в основном это были игрушки самодельные: тряпичные куклы, мячи, сделанные из коровьей шерсти, каучука с колёс немецких машин. Играли в штандер, лапту, шарики загоняли в лузы (что-то наподобие игры в гольф)

На улице Песочной на дереве было привязано огромное колесо, на котором мы раскачивались.

Купаться мы ходили на купальню возле Городища. Устраивались женские и мужские соревнования: кто быстрее доплывёт до огромного камня. Зимой катались на больших санях до самого Харина.

Школу я окончила в 1953 году и поступила в Ленинградский библиотечный институт. Читать я, конечно, любила, но ещё любила и географию и хотела поступать на географический факультет, но перед самым экзаменом узнала, что конкурс на этот факультет аж 10 человек на место. Поэтому я и пошла учиться на библиотекаря. Институт я окончила в 1957 году и по распределению поехала в город Грозный. Там меня определили в город Малгобек на должность инспектора отдела культуры. Через 2 месяца стала

заведовать взрослым читальным залом в библиотеке № 1.

В 1957 году ко мне приехал мой одноклассник Володя Медведев. Мы поженились, в 1958 году у нас родился сын. Муж работал в геофизической партии.

В это время стали возвращаться чеченцы, которых переселили в годы войны. Обстановка была очень тревожной, вернувшиеся требовали, чтобы им вернули их дома, в которых жили уже другие люди. Возродилась кровная месть. Даже собирался Совет старейшин, чтобы примирить враждующие стороны.

В 1963 году мы уехали в Калмыкию, в город Элисту в связи с разработкой калмыцких земель на поиски нефти и газа. Муж устроился на работу по специальности. А я работала библиотекарем в Доме политпросвещения. А в 1970 году стала секретарём по идеологии Ики-Бурульского райкома партии. С мужем мы разошлись. В райкоме я проработала до 1974 года. Потом 2 года училась в Высшей партийной школе при ЦК КПСС в Москве.

Сын в это время жил и учился в интернате в Москве. Он окончил Серпуховское военное училище, женился. Родилась дочь, моя внучка. Свою службу он начинал в Плисецке.

Я после окончания ВПШ заведовала Домом Политпросвещения Калмыцкого обкома. Проработала там до пенсии. С 1991 по 1995 год работала в доме инвалидов для умственно отсталых детей. В Торопец вернулась в 1995 году. После смерти брата надо было ухаживать за матерью.

С тех пор я и живу в Торопце.

Матвеев Пётр Иванович

Я родился в 1938 году в деревне Горка Кудрявцевского сельского совета. Моя мать, Матвеева Антонина Васильевна, родилась в 1912 году. А отец, Матвеев Иван Матвеевич, был 1910 года рождения.

Оба они работали в колхозе «Красная горка». Мать была свиначкой, отец трудился на разных работах. В нашей семье было четверо детей, две сестры и два брата. В хозяйстве у нас была корова, овцы, свиньи, куры. Мы все с малолетства помогали ухаживать за скотом, управляться в огороде.

Я был маленький, когда началась война. Отца забрали на войну сразу. Он служил под Москвой в хозяйственной части и с войны вернулся живой.

Немцы к нам в деревню пришли уже в августе. Они отбирали у людей скот: коров, овец, свиней, кур. К нам под окно подошел немец: «Мамка, яйки». А мы с бабушкой сидели в это время на кровати и мать показала на нас: «Вот где мои яйки». Тогда немец показал на пальцах, что у него дома осталось тоже двое. За время оккупации немцы были у нас несколько раз, отбирали продовольствие, но у нас постоянно не стояли.

После войны мы с сестрой Маней пасли свиней всё лето, гоняли к Павлову, примерно с километр. Было восемь свиноматок и хряк, подсвинки. Маленьких поросят в колхозе продавали своим колхозникам.

В войну мы не сильно голодали, а вот в 1946-1947 годах был сильный голод. Ели разные травы, кислицу, хлеб с лебедой. Хоть и держали своё хозяйство, но платили большие налоги. Нужно было сдать

государству молоко, мясо, яйца, шкуры со свиней. Если своих продуктов не хватало, то покупали в заготконторе в Торопце. А и денег не было, работали в колхозе за палочки. Если были излишки мяса, яиц, то возили их в город Великие Луки, а на вырученные деньги покупали одежду.

Летом все ребята бегали по улице босиком, ноги все в цыпках, кожа треснувши, одежда холщёвая. Одежду шила портниха, которую нанимали всей деревней и привозили с машинкой из деревни Чальцево. Шила она на заказ разную одежду: и шубы, и тужурки, пиджаки, рубахи, нижнее бельё. Жила в деревне, пока не обошьёт всех.

В школу пошёл в 8 лет в деревню Гретьково, за два километра от дома. Школа была начальная. Ходил в школу в лаптях, другой обуви не было.

Детей в школе училось тогда много. Все разделены были на два отделения, по два класса. Учили нас беженцы - муж с женой Пархоминские. Учителя они были строгие, наказывали нас за баловство.

В пятый класс я пошёл учиться в школу деревни Ваши, за 12 километров от дома. Учился я в этой школе пятый и шестой классы, ходил каждый день домой. Зимой учился в школе, а лето работал на быках в колхозе, коней в колхозе не было. Вывозили навоз из хлевов на поля, затем пахали. Женщины ходили за плугом, а я гонял быков.

Дома картошку тоже сажали на себе, женщины таскали соху, делали борозды.

В семье все были тружениками. Дедушка Матвей всю жизнь делал колёса для телег, оковывал их в кузнице. Такого колёсного мастера не слышать было в округе.

Работала хорошо моя мать, её награждали грамотами.

Зимой дома мама с бабушкой ставили ткацкий стан. Занимал он половину избы. На нём ткали половики, холсты, нитки для основы пряли изо льна сами.

В седьмой класс я не пошёл, хоть и учился хорошо, даже классная руководительница, учительница по немецкому языку, приезжала к нам домой, чтобы я не бросал учиться. У меня была хорошая память, но немецкий язык не хотел учить - фашистский язык.

После школы стал постоянно работать в колхозе на быках. Пахал, возил лён в Пожню и много других работ делал. Зимой каждый день за 7 километров ходил в деревню Павлово, в леспромхоз работать в лесу. Работали мы с 9 утра до 17 часов вечера. После работы шёл в магазин за хлебом. В леспромхозе было снабжение получше, чем у нас, да и платили за работу деньгами.

Время шло. В 1961 году женился на Зине Семёновой, соседке. Жену привёл в дом к своим родителям.

Оба мы работали в колхозе, на сплаве леса по реке Кунья. На трудодни нам давали сахарный песок, масло. Для хлеба сеяли на усадьбе рожь, молотили и зерно мололи на жерновах вручную (жернова до сих пор стоят в кладовке), пекли хлебы в русской печке.

В 1961 году, осенью, у нас родилась дочь Тоня, а я пошёл учиться на тракториста в Торопец, в сельхозтехнику. И в мае уже работал на тракторе МТЗ-5 в колхозе, правда, трактор был без кабины.

Работал на стройке скотного двора в Горке, в общем, хватался за любую работу, чтобы купить себе избу. Накопили 100 рублей и в своей деревне избу купили, но там была плохая усадьба, картошка не росла, и тогда мы решили ехать на целину. Там уже была сестра Маня, узнал у неё, как и что, и в 1963 году

из Великих Лук на поезде мы поехали на целину. Тоне было всего 1,5 года.

Приехали на станцию Гмелинка. Совхоз «Водянка» Волгоградской области от станции находился в 50 километрах. На попутной машине со станции доехали до совхоза, там были наши односельчане, у которых мы и остановились.

На целине я работал на тракторе днем и ночью. Работы было много, но и платили хорошо. Товары были все дешёвые. Зимой работал у скота. Ухаживал откормочных овец, коров. На целине, в сентябре 1963 года родилась дочь Надя, поэтому жена не работала в совхозе, была домохозяйкой. В 1964 году поехали на родину в отпуск и забрали на целину тещу.

Из дому батька с мамкой прислали письмо, звали нас домой, якобы жизнь там стала лучше. Бабы стали говорить, что надо нам ехать на родину.

Весной 1965 года мы вернулись в родную Горку. Приехали, а жить негде, стали жить опять у родителей. Потом перешли жить в соседнюю избу. Там не было надворной постройки. Купили её за 25 рублей и перевезли.

С целины приехали с деньгами, было 900 рублей. Купили в Чихачах дом за 50 рублей, перевезли, поставили в Горке. Я продолжал работать в колхозе на тракторах: гусеничном, колёсном. Работал в плотницкой бригаде. Строили дома, школу, фермы. Жена работала на овчарне. Когда в 1972 году объединили все колхозы в совхоз «Кудрявцевский», мы переехали жить в деревню Озерец. Дали нам совхозную квартиру, потом у соседки купили дом, до сих пор живу в нём.

Всегда держали скот: корову, быка, овец, свиней, разную птицу. На пенсию вышел в 1993 году, ещё проработал 3 года. Жена умерла, сейчас живём

вместе с младшей дочкой Надей. Дочь Тоня живёт в соседней деревне, носит почту. У меня 11 внуков.

Орлова Анна Ивановна

Родилась я в 1935 году в деревне Чальцево Великолукского района. Родители мои, отец Иван Ильич Ильин, рождения 1910 года, и мама, Елизавета Васильевна Ильина, с 1906 года рождения, были колхозниками. Семья у нас была большая: два брата и четыре сестры. Работать всем приходилось много, ведь в своём хозяйстве держали корову, овец, свиней, кур, был огород, сажали много картошки.

В школу я начала ходить ещё до войны. В деревне была начальная школа, детей было очень много. Учила нас учительница Мария Терентьевна все четыре класса.

В нашей деревне был колхоз. На полях колхоза сеяли гречиху, овёс, рожь, горох. На трудодень давали по 100 граммов гороха, 300 граммов ржи, 200 граммов овса, 50 граммов льносемени. В колхозе было много скота: коровы, овцы, свиньи. С началом войны коров отогнали в Ярославскую область, моя тетя гоняла. Вернулась она в 1946 году без коров.

Мой отец только что вернулся с военных сборов и тут объявили, что началась война. Его сразу и забрали на войну, больше мы его не видели. Воевал он подо Ржевом и в 1942 году нам прислали на него похоронку.

Немцы в деревню приезжали на мотоциклах, искали мальчуганов, чтобы забрать их в Германию. Мой брат Сергей спрятался в сено, поэтому его не нашли. В деревне немцы отбирали продукты. У нас тоже забрали хлеб, яйца, масло.

За всю войну немцы у нас в деревне были один раз, но немецкие самолёты часто бомбили деревню, потому что в лесах были партизаны.

В войну было трудно держать корову, поэтому мы держали коз, а после войны опять купили корову.

Мама за хлебом и зерном ездила в Латвию, но чистого хлеба мы не видели, муку мешали с лебедой, липовыми листьями. Весной собирали по полям хвощ. В Каменку за три километра ходили копать гнилую, мороженую картошку. Принесёшь ведро, мама хорошо вымоет, растолчёт толкушкой, добавит чуть муки и печёт чибрики, так мы их называли. Было очень вкусно. Даже и сейчас поела бы.

Семья у нас была большая, пришлось пережить много трудностей. Купить материал или готовую одежду было негде, да и не за что. Одевались, во что придётся. Мама перешьёт из старья - вот нам и одёжка.

В школе я проучилась четыре класса, потом стала работать в колхозе. Работы в колхозе было много, пасла коров, овец, бороновала на лошадях. Трудовой стаж у меня в трудовой книжке записан с семи лет, потому что летом пасла колхозных овец.

Четыре года я носила почту из деревни Ваши в деревни Чальцево, Павлово. Это 12 километров туда и обратно. Газет было очень много.

В 1966 году вышла замуж за Орлова Виталия в деревню Горка. Тут тоже работала в колхозе на общих работах. В том же году у нас родилась дочь Люба. А через два года мы переехали жить в деревню Рокотово. Здесь родились у нас ещё дети: сын Борис и дочь Надя.

Я работала в Рокотове дояркой до пенсии, на которую вышла в 1990 году. У меня девять внуков и три правнука. Сейчас жизнь хорошая, хочется пожить подольше, но здоровье подводит.

Васильева Нина Васильевна

Я родилась в деревне Брыки Лужницкого сельского совета в 1937 году. Мои родители были колхозники. Папа, Васильев Василий Васильевич, родился в 1910 году, мама, Корнеева Александра Ивановна, была 1911 года рождения. Детей в семье было двое - я, да брат Иван с 1935 года рождения. Деревня наша была маленькая, всего пять домов, и все были родственниками.

Жили мы с бабушкой Нюшей, папиной мамой. Мы её очень любили.

Отец пас лошадей в колхозе, мама работала на общих работах. Потом родители купили дом в Новинке и отделились от бабушки.

Когда началась война, я очень хорошо помню. Бабушка провожала папку на войну, благословляла иконой и очень плакала. А мы с братом говорили, что отец сходит в Оськино в магазин и вернётся. Отец погиб под Смоленском в 1942 году, похоронен в деревне Селище Велижского района.

Взрослых из нашей деревни отправляли на рытьё окопов.

Немцы в деревню пришли к нам летом, было очень жарко, они ходили в шортах. В нашем доме они ели: завтракали, обедали, ужинали. А у нас под полом прятались взрослые девки от немцев, а немцы знали об этом, наверное, потому что зайдёт немец в дом и стучит автоматом в пол. Один немец угощал нас

конфетами и колбасой и говорил маме, что у него в Германии трое детей.

В наших лесах не было партизан, и немцы у нас плохого ничего не делали, если не считать, что собирали продукты. Долго они у нас не стояли.

В колхозе все работали и во время войны, и после освобождения. Лошадей в колхозе не было, поэтому в поле работали на коровах, пахали, бороновали. На коровах возили и дрова.

Но не все коровы ходили в плуге и бороне. У моего дяди была корова Майка, как её запрягают, она бьётся, роет копытами.

Училась я в школе в деревне Оськино. Школа была начальная, четыре класса. В школу ходили босиком, обуви не было. Учили нас учительница Мария Петровна Зверева и учитель Иван Михайлович Щукин. Учителей все уважали и взрослые, и дети. Учебников у нас не было, давали по одному учебнику на деревню.

Мария Петровна была очень добрая, давала нам кататься с горы на своих саночках, а когда они сломались, мы снесли их моему дяде Якову Васильевичу, и он их починил.

Весной в Зеленьках была не выкопана картошка, и Мария Петровна отпускала нас пораньше накопать этой картошки, чтобы дома мы смогли напечь жамок. Один раз секретарь сельсовета Михаил Фёдорович увидел нас на поле и раскидал наши вёдра, лопаты и прогнал с поля, а Мария Петровна пошла к нему и заступилась за нас, сказав, что дети голодают, хотя в школе нас кормили. Осенью собирали со всех учеников продукты: овощи, картошку, молоко, у кого что было, и из этих продуктов варили похлёбку на всех. Ели мы из глиняной посуды, а ложки были деревянные.

Дрова в школу на быках возили наши родители. Эти дрова пилили, кололи, но они не высыхали и печки в школе топили сырыми дровами.

В школу я ходила не весь учебный год, нанималась пасти скот. Работали мы постоянно, пасли колхозных свиней, мама их ухаживала в Оськине. Дома тоже было много работы: жать рожь, заготовливать сено, работать на огороде, да мало ли дел в деревне.

После окончания четырех классов я пошла работать в колхоз, а с пятнадцати лет стала доить коров.

С будущим мужем жили в одной деревне. Он пришёл из армии и стали мы гулять. Гуляли по избам, где собиралось много молодёжи, вдов (с войны вернулось совсем мало мужчин). Было весело мы пели, плясали. Гулянки были по субботам и воскресеньям, в пост мы не собирались. На гулянки я ходила босиком, обувь берегла, обувалась только на гулянке. Если у кого была какая кофта получше, носили на гулянку её по очереди. В кино не ходили, не было денег.

В 1956 зарегистрировались с Петром Гавриловичем, а 20 января 1957 года венчались в церкви деревни Метлино. Венчал отец Филипп, он был очень добрый, потом и сына нашего Сашу крестил. Одета я была в штапельное платье голубого цвета, на голове марлевая фата с искусственными цветами, хозяин был в костюме. Благословлял меня мой дядя Яков Васильевич. Он в войну был в плену в Бухенвальде, чудом выжил и много перенёс унижений от односельчан. Звали его недобитый фашист. Ему было очень обидно.

Муж работал на лесоучастке на заготовке леса, работал в кузнице в деревне Скворцово, потом в связи.

Я до самой пенсии работала на фермах деревень Оскино, Гудилиха.

Жили мы сначала на квартире, потом у моей мамы, затем купили избу. Родили и вырастили сына Сашу и дочь Лену. Сын работает в лесничестве, дочь Лена живёт в Торопце, она работала в детском саду в воинской части.

У меня четверо внуков и трое правнуков.

Васильева Валентина Никитична

Я родилась в деревне Заборье в 1934 году. Мои родители, отец Горский Никита Фёдорович и мама Евдокия Григорьевна были колхозниками. Мама доила коров на ферме до войны. А потом после войны ухаживала телят. В нашей семье было 5 братьев, и я одна сестра.

В Заборье у нас был колхоз «Красная сосновка» очень богатый. В колхозе были коровы, свиньи, овцы, гуси, куры, лошади. На трудодни давали зерно, другие продукты. Осенью, после уборочной в кнцелярии варили колхозное пиво. Был общий колхозный праздник, собирались все колхозники от мала до стара. Гуляли весело. В своем хозяйстве держали корову, овец, свиней, кур, были пчёлы. Был свой огород, сажали картошку. Жили хорошо.

Когда началась война, папку забрали в первые же дни. Но он попал не на фронт, а в рабочий батальон в город Горький.

Немцы к нам в деревню пришли в августе 1941 года. Искали партизан. Ходили по домам, отбирали продукты. «Давай яйца, млеко». В огороде у нас вытаскали всю морковку, пчёл залили водой, забрали все соты с мёдом. Хотели зарезать поросёнка, но

мамка вымазала его дёгтем тем его и спасла от немцев.

Немцы у нас не стояли, бывали проездом за продуктами. Колхозных коров перед приходом немцев успели отогнать в Ивановскую область, поэтому им в колхозе сильно поживиться было нечем, и они отбирали всё у людей. Резали телят, отбирали хлеб.

В войну у нас в деревне были раненые солдаты, мы собирали по полям лечебные травы и лечили их. Из нашей деревни не было ни одного полицая, хотя в других деревнях были.

Отец вернулся домой весь больной, но всё равно работал в колхозе, возил молоко с фермы на молокозавод. Умер он, когда мне было 10 лет.

Мой брат Сергей был на войне и погиб под Велижем, а брат Пётр тоже воевал, но остался жив, прослужил в армии семь лет.

В школу учиться я ходила в деревню Рокотово. Учиться было трудно, не было ни тетрадей, ни учебников. На деревню давали из школы один учебник, вот по нему все и учились.

Окончив четыре класса, я учиться больше не стала, надо было работать, чтобы помогать семье. После войны было очень голодно, и мы по упряжкам на полях собирали кислицу, хвощ и их ели. Работать меня отправили на почту в Лужницкий сельсовет, носить газеты, письма. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, председатель колхоза Козодаев отправил работать со старухами на общие работы. Делали всякую работу: косили сено, тягали лён, заготавливали силос, жали рожь. Мама после войны ухаживала телят.

Со своим будущим мужем Анатолием мы ходили вместе в школу. Его семья в войну переехала из

Западной Двины к нам в деревню. Тут жила его тётка, так они и остались жить в нашей деревне.

Когда Анатолия взяли в армию, он стал писать мне письма. Вернулся из армии стали гулять. Гуляли около года, потом поженились. Наши семьи жили бедно, поэтому сделали вечерок, а в церкви не венчались. Жить стали в семье у Толи. Они жили в Конопляшкине, это недалеко от Заборья.

Я пошла работать на ферму, доила коров. Со свекровью не ладили и после колхозного праздника перешли жить к моей мамке. Муж Толя выучился в Западной Двине на тракториста и стал работать на тракторе. Мы работали в колхозе, а потом в совхозе «Кудрявцевский» до пенсии. Вырастили пять сыновей.

Никифорова Зинаида Семёновна

Я родилась в Великолукском районе в деревне Заворово в 1929 году. Родители мои, отец Володин Семён Семёнович и мама Анна Андреевна были колхозниками. В нашей семье было четверо детей (все девочки).

Как и все в то время, мы держали в своём хозяйстве скот: корову, овец, свиней, кур. Был огород. Приходилось много работать, помогать родителям ухаживать за скотиной, полоть грядки в огороде.

Когда началась война, отца сразу взяли на фронт, а он только вернулся с финской войны. А вот с Отечественной он уже не вернулся, пропал без вести.

В 1941 году во время оккупации нашего края немцами, деревню нашу расстрелял в упор немецкий бронепоезд. Уцелевших людей направили в сторону Красного Холма. Так мы стали беженцами.

Мы с собой взяли корову, в дороге она нас кормила. По дороге беженцы рассеивались по деревням. Мы

шли от немцев, но они были уже везде, и мы встретились с ними у реки Куньи. Немцы думали, что мы партизаны и начали стрелять по нам, ранили сестру Лиду. Мама с Лидой остались в немецком госпитале, после выздоровления сестры, они нас догнали.

По дороге беженцы не везде встречали радушный приём, иногда нас не пускали в дом даже переночевать. Мы не пошли к Красному Холму, а свернули в деревню Кривцово, здесь немцев уже не было. Нас, несколько семей беженцев, поселили в один дом. Он был пустой, его хозяева два брата-сироты были забраны на войну. Так мы и жили.

Вступили в колхоз, стали работать. Работали все и взрослые, и дети. Всё приходилось делать вручную. В деревне очень тяжёлый труд. Зимой я ходила в школу в Кубаниху.

После окончания войны с фронта вернулись три маминых брата (два погибли) и стали помогать нам обустраивать свою жизнь. Купили нам дом в деревне Кубаниха. Я работала в колхозе.

Молодежь часто собирались на гулянки, хоть и было тяжёлое время, мы пели, плясали. Ходили гулять на ярмарки (престольные праздники). Вот на такой ярмарке в деревне Баранец я встретилась с будущим мужем Павлом. Поженились мы с ним, и я переехала жить к нему в деревню Яшутино. Жили с его родителями.

Работала я и тут в колхозе. Муж Павел окончил в Себеже курсы трактористов и стал работать на тракторе в МТС в Пятницком. Потом перешёл работать в совхоз «Кудрявцевский».

У нас родилось трое детей. Старшая дочка Тоня, сыновья Борис и Михаил. В девяностых годах по

состоянию здоровья муж Павел перешёл работать в Первомайскую больницу завхозом, а я стала работать рабочей на кухне в больнице. Из больницы ушла на пенсию. Но я продолжала работать в домашнем хозяйстве. Мы держали две коровы, свиней, овец, домашнюю птицу. Молоко и мясо продавали государству.

Дети наши Тоня и Михаил после окончания школы уехали, у них свои семьи. Борис с семьёй живёт с нами. У нас шесть внуков. Сейчас хорошая жизнь, пенсию платят, вот только подводит уже здоровье.

Долганова Александра Яковлевна

Родилась я в деревне Шелехово Великолукского района в 1934 году. В нашей семье было пятеро детей.

Родители мои были единоличниками, не пошли в колхоз. Жили мы хорошо, работали, держали скотину, сеяли рожь, выращивали всё огороднее. Из-за того, что не пошли в колхоз, у родителей отобрали всё имущество и раздали беднякам. В то время, тех, кто не пошёл в колхоз, могли посадить в тюрьму. Маму посадили, когда мне не было и года. Меня забрали родственники Скрыдловы из Каменки. Когда маму отпустили, посадили папу, всё заставляли идти в колхоз. А он говорил, что пусть забирают всё, но в колхоз я не пойду. У нас ничего не осталось в доме.

А мама моя была рукодельница. Купила ваты, напяла, покрасила и соткала одеяло. Вот так и жили, всё своим трудом. Я уже и не помню, что мои родители жили хорошо. Когда я росла, было очень тяжело.

Училась я в своей деревне, окончила четыре класса. Училась всяко: босые, голодные, нам было не до учёбы, больше работали, чтобы прокормиться.

Деревня была большая, больше километра в длину. Мы жили в одном конце деревни, а школа была в другом конце. Ребят в деревне было много.

Когда мне шёл восьмой год, началась война началась, Отца забрали на фронт, домой он не вернулся, погиб.

У нас земли не было, всю отобрали. Жить было нечем, обложили нас налогами, и мы решили ехать в Белоруссию. Как-то надо было выживать. Три года жили в Белоруссии. А когда вернулись из Белоруссии в свою избу, то нас выгнали из неё.

И пошли мы жить в деревню Загарье, там пасли скот три года. На четвёртый год мы отказались гоняться в поле со скотом. Брат ушёл работать в лесоучасток в деревню Тарасы. Ему было всего пятнадцать лет, но его взяли, потому что начальником лесоучастка работал папин троюродный брат Семён Дмитриевич. Так брат стал работать в лесу, там платили деньги. Потом и я пошла работать в леспромхоз конюхом. Дали нам комнатку, и мама тоже перешла жить к нам в Тарасы. Жили мы очень бедно, ничего у нас не было. Меня отправили учиться на повара в Торопец. Училась я три месяца. Работала на участке поваром, пока не вышла замуж.

Я дружила с парнем и пришли мы с ним в клуб на гулянку, а Женя Долганов только пришёл из армии, и я его в клубе первый раз увидела. И видно понравилась я ему, и с Николы стал он за мной ухаживать.

Взялся он ко мне ходить каждый день с гармонью. Подружилась я с ним, и решили мы с ним пожениться. А он был очень бедный, жил с мамой вдвоём. Его мама работала в колхозе, денег в колхозе не платили, тогда он решил он идти в Павлово на лесоучасток работать. Тогда ему было семнадцать лет, и пошёл он на

лесоучасток тридцать километров пешком, дорогой плакал, было страшно идти лесом, выли волки.

Пришёл на участок в Павлово к начальнику наниматься на работу, а тот спросил, что умеет он делать. А Женя умел ковать лошадей и так и сказал, начальник не поверил и велел отвести его в кузницу, привести две лошади, чтобы он подковал. Женя подковал их, и лошади побежали. Начальник, увидев, что он и правда умеет ковать лошадей, взял его на работу в кузницу. Но в кузнице платили мало денег, в лесу рабочие зарабатывали раза в четыре больше, и Женя попросился в лес на работу возчиком леса. Его не хотели отпускать. Но он выпросился. Стал получать хорошую зарплату. Потом его забрали в армию. Вернувшись из армии, он опять стал работать в лесу.

На Рождество в 1956 году мы зарегистрировались, но мама и я хотели, чтобы мы обвенчались, а Женя был комсомольцем. А комсомольцам венчаться нельзя было. Но он решил со мной венчаться и через две недели после Рождества мы поехали венчаться в церковь в деревню Метлино.

По дороге в церковь разыгралась сильная буря, и мы сбились с дороги и приехали в деревню Рокотово. Там спросили дорогу в Метлино, нам указали, и мы доехали до церкви. Венчал нас старенький поп отец Филипп. Про нас в церкви говорили: «Какая красивая пара, как молятся». Когда обвенчались и поехали домой, снежная буря унялась, стало тихо. После венчания у нас был вечерок. Женя был недавно из армии, у них с мамой ничего не было. Правда она молодец, подарила ему кресток. А маменька-то моя подрастратилась. У нас деньги уже были, я работала в столовой, мама конюхом, собирали ягоды клюкву, чернику, бруснику и продавали. И хозяйство мы держали, корову, поросёнка, курей.

Вечерок отошёл и Женю вызвали к начальнику участка. Он же самовольно взял лошадь (подделал подпись начальника на разрешении), чтобы ехать венчаться. Если бы попросили лошадь ехать венчаться, никто бы не дал. За это у него отобрали комсомольский билет и нас разрисовали в стенгазете. Этой стенгазетой ведал Илья, у него был маленький мальчик. И вот как нас разрисовали, у Ильи заболел мальчик. Его жена пришла к нам, чтобы я дала что-нибудь венчального или платье, или платок завернуть ребёнка, у него был родимчик. А я говорю: «А что ж Илья не пришёл?», она ответила, что он постеснялся. Мамаша сказала, что нужно дать, я и дала своё венчальное платье. Вот как Господь рассудил.

Стали мы жить. Летом пошли на сено, а маменька говорит: «Зять наш сена боится, оно колется». Но ничего, помаленьку притёрся, стал всё делать. А когда умерла маменька, вот тут он понял, что он старший и взялся работать. Семья у нас с ним была большая, вырастили пятеро детей. Я нигде не работала, жила за ним, управлялась по хозяйству. А Женя работал до пенсии в лесу. Хозяйство всегда держали, огород. Дети наши все выросли, разъехались кто куда. У всех свои семьи. Но нас не забывают, навещают.

Воспоминания очевидцев оккупации Торопецкого района с 29.08.41. по 21.01.42.

Из миллионов и миллионов эпизодов складывается грандиозное полотно битвы с фашизмом. Из эпизодов героических, ставших общеизвестными, и событий, малоприметных на первый взгляд.

Программа устрашения «расы господ»

Торопец фашисты захватили 29 августа 1941 года. Немедленно после оккупации немецкий комендант

города дал распоряжение наскоро сфабрикованному городскому управлению взять на учет всех возчиков и лошадей. Список возчиков городской управы с 1 по 15 октября 1941 года составлял 95 человек. То и дело владельцы лошадей получали под расписку через полицию очередной приказ комендатуры. Городские возчики не успевали обслуживать обширные потребности немецких властей. Когда у гитлеровцев не оказывалось лошадей, они без стеснения использовали порабощенное население (в том числе и подростков) в качестве тягловой силы, нагло нарушая тем самым статью 52-ю Гаагской конвенции 1907 года, подписанную Германией, которая запрещала использовать мирное население завоеванной территории. Между тем женщины стирали немецкое белье, протапывали тропинки в глубоком снегу, чтобы «господам» немцам было удобнее ходить. Любому повару ротной кухни, офицерскому денщику, любому обознику было твердо внушено, что он пришел в Советский Союз как властелин, что единственное назначение советского населения — рабский труд на немцев, которые являются «расой господ». Обозник считал ниже своего достоинства вычистить лошадь, помощник повара — наколоть дров, денщик — подтереть пол. Чего уж говорить об офицерах, надувшихся, как индюки, от своего мнимого величия.

Об их так называемом «величии» более чем красноречиво свидетельствует рассказ, записанный Л. Лисовской, со слов жителей Торопца: «После того, как немецкая свора заняла город, был издан приказ, чтобы все еврейское население от 13 лет и старше носило на рукаве белую повязку с синюю звездою. Через некоторое время все еврейское население города было согнано в отдельный дом-общежитие рабочих

льнозавода, где они и жили, влача самое жалкое существование. Полураздетые (все имущество было отобрано немцами), полуголодные, они вынуждены были сидеть в четырех стенах, боясь попасть на глаза полиции и жандармерии. В один из ноябрьских дней 1941 года жители заметили, что полицейские останавливали и отправляли по домам всех проходящих по улице. Вскоре движение прекратилось, и со двора общежития слышались душераздирающие крики. Подросток Миша Иванов вместе с двумя своими товарищами незаметно пробрался ко двору. В щели забора они увидели, что во дворе вырыты две огромные ямы, около которых стояла группа немецких солдат и два офицера. Через некоторое время жандармы вывели из дома пятерых евреев со связанными руками и поставили на краю ямы. Немецкие солдаты дали залп, несчастные упали в яму. Спустя несколько минут, полицейские привели еще пять человек, в том числе женщин, с которыми поступили также. Детей бросали в яму живыми на трупы матерей, а тех, кто цеплялся ручонками, здесь же умерщвляли. Так было уничтожено 95 человек, в том числе 15 детей в возрасте от года до 13 лет. После жуткой расправы, довольные „работой“, палачи любовались своими жертвами и затем всю эту массу живых и мертвых тел закопали».

Как напоминание о жуткой расправе над евреями на еврейском кладбище был установлен памятный камень, а впоследствии — обелиск.

Вешать без суда и следствия

На территории Троице-Небина монастыря был устроен лагерь для военнопленных, где погибло от холода и голода около двухсот человек. Таким

образом разыгрывалась садистская программа устрашения.

В первых числах сентября 1941 года по главной улице Торопца ехала немецкая грузовая машина, с которой передавали приказ гитлеровских властей, что завтра в 4 часа дня состоится казнь пойманных партизан и что народу приказывается явиться к месту казни. Возле мясных рядов состоялась казнь партизан. На дубе были повешены Артемий Ларионов и Василий Евграфьев. Когда палачи набросили петлю на Евграфьева, он крикнул стоящей толпе: «Товарищи, боритесь за свободу!»

После этого гитлеровцы построили виселицу в центре города. Здесь фашисты и производили кровавую расправу над жителями города и района. Однажды из городской управы фашисты гнали жителей города на раскорчевку пней. Когда народ проходил мимо немецкой комендатуры, вышел офицер и сказал, что сейчас будут казнены четыре красноармейца. И действительно, через 10-15 минут фашисты вывели четырех человек со связанными назад руками. И заставили подняться на стол, накинули на шею петли, и стол вырвали из-под ног. Три часа висели жертвы фашистского террора.

В числе четырех был и слесарь льнозавода Павел Добрынкин, повешенный за то, что его брат Николай служит в Красной Армии. Причем, Павла трижды вешали и снимали с виселицы, требуя одного — согласия работать на них. Он трижды ответил: «Нет!»

Мужественно перенесла пытки

Немцы всеми силами пытались поработить советский народ. Это не всегда удавалось. Когда немецкое командование задумало наладить работу железных дорог, железнодорожники всеми мерами саботировали это мероприятие. Осмотрщик вагонов

Иван Львов при помощи товарищей в конце 1941 года вывел из строя до 30 вагонов, уничтожив воздушное сцепление тормозов. Немецкие власти заподозрили осмотрщика в порче вагонов. Его арестовали, и целую неделю пытками добивались признания и выдачи товарищей, помогавших ему. Немцы приводили Львова на квартиру и мучили его на глазах матери, жены и детей. Связав ему руки тонкой проволокой, немецкие палачи били Львова плоской резиновой дубинкой, топтали ногами окровавленное тело. Однако никакие пытки не сломили стойкости и мужества советского патриота. Ни одного слова не услышали от него немецкие палачи. Когда Иван терял сознание, его увозили с тем, чтобы возобновить пытки на следующий день. Не добившись желаемого ответа, гитлеровцы расстреляли мужественного железнодорожника. Ничего не узнали они и от его жены Елены Яковлевны, которую также замучили насмерть. Мужественно перенесла пытки, ни слова не сказав немцам, и мать Львова.

Грабьармия

Грабя мирное население, фашистские «рыцари», увешанные курами и гусями, выполняли директивы своего верховного командования о «наиболее быстром осуществлении полного продовольственного снабжения германских войск за счет оккупированных областей» и о необходимости «воспитывать у каждого офицера и солдата германской армии чувство личной материальной заинтересованности в войне».

Рассказы мирных жителей с потрясающей силой раскрывают звериное лицо гитлеровской грабьармии.

Остановившиеся в деревне Верно немцы порезали всех свиней, уничтожили все ульи, травили лошадьми колхозные хлеба, необмолоченными снопами

закладывали ручьи, настилали дороги среди топких лугов.

Жительница города Торопца П.Е. Ползик была очевидцем жутчайшей картины. Вот ее рассказ: «На Стрелецкой улице, из дома № 11, где помещалась немецкая жандармерия, доносились крики и стоны, и я обратила на это внимание. На коленях стояли два старика-еврея, и один из жандармов бил их палкой по спине. Нанося удары, он заставлял одного из стариков обрезать волосы на голове и бороде другого. После этого фашист приказал измученным старикам чистить руками уборную двора. Один из стариков выбился из сил и упал на землю, жандарм снова начал его бить. Полуживой, избитый старик снова делал попытку исполнить приказание, но силы покидали его, и он снова падал. Через два часа труп старика был выброшен со двора, а другого старика нашли повешенным на чердаке дома жандармерии».

О зверствах фашистов свидетельствуют факты жителей деревень Торопецкого района:

«Мы, граждане деревни Рокотово, Дубровская Мария, Дмитриев Павел, Борисова Анна и Минаева Прасковья, были свидетелями зверства немецких бандитов над мирным населением нашей деревни. 1 октября 1941 года в нашу деревню прибыл немецкий карательный отряд. За связь с партизанами ими были взяты Дубровский Федор, Иванов Василий, Дмитриев Алексей. После допроса в селе Гущино всех троих заставили вырыть себе могилу и затем расстреляли. Минаева Прасковья Федотовна, жена командира Красной Армии, за связь с партизанами была избита немцами до полусмерти. Борисов Петр был угнан немцами на работу в Торопец, а в январе 1942 года расстрелян»;

«Мы, граждане деревни Шухово, Захарова Вера Павловна и Филатова Екатерина, явились свидетелями зверства немецких бандитов над населением нашей деревни. Немцы схватили медицинскую сестру Быстрову Александру Ивановну, свели в сарай и били резиновыми палками до потери сознания. В январе 1942 года в деревню зашли четыре партизана. Следом за ними явилась полиция. Двух раненых долго мучили, допрашивали, а потом одного застрелили, а другого свезли в город Великие Луки и там повесили».

21 октября 1941 года фашисты убили и сожгли 67 мирных жителей деревни Сувидово, уничтожили в огне 30 домов, по сути, выжгли всю деревню.

18 января 1942 года страшная трагедия разыгралась в деревнях Кудино и Заречье. Фашистские каратели согнали женщин, детей и стариков к зданию школы. Выхватив из плачущей толпы 14 человек, гитлеровцы расстреляли их у школьной стены. Потом облили горючей смесью стены, тела и подожгли. Затем озверевшие гитлеровцы стали поджигать дома жителей деревни. Так, в этот сорокаградусный крещенский мороз жители Кудино и Заречье лишились не только крова, коров и овец, которые сгорели во время пожара, но и своих близких. В память об этой Кудинской трагедии на месте школы установлен скромный, к сожалению, безымянный обелиск. Молчаливо кричащий безымянный обелиск – это прежде всего свидетельство нашего отношения к себе... Но я надеюсь, что все-таки разум восторжествует, и когда-нибудь запоздалый путник подойдет к обелиску и прочтет имена жертв Кудинской трагедии. Это Иван Лаврентьев, Александр Смирнов, Алексей, Александр, Василий, Евгений и Евдокия

Калугины, Иван Павлов, Настя и Михаил Лазаревы, Евгений Шемель, Николай Зуев, Борис Ипполитов, Анисий Степанов (сторож школы, его все звали дедушкой), а также Михаил Ковалев, который был заживо сожжен в сторожке.

Торопец находился в оккупации чуть более пяти месяцев. Это очень много, если учесть, что за секунду ты мог войти в историю Героем или предателем... Да, фашизм убивал, мог купить предателя, но он ни разу не одержал победу над советским человеком, город на Торопе еще одно тому подтверждение. Память о войне — это каждодневное напоминание всем нам, что только от нас зависит: быть ли миру на земле.

С. А. Сейтмамутова

Огонь войны души не сжег...

Народная летопись

выпуск 8

Издание для слабовидящих

Ответственный за выпуск - А.В. Латышева

Составитель - Л.И. Медведева

Компьютерный набор - Л.И. Медведева

Художественное оформление и верстка -

А.А. Лапченко

Тираж: 1 экз.

Оригинал-макет

Сектор автоматизированных

Библиотечно-информационных технологий

МУТР «Торопецкая центральная библиотека»

г. Торопец, Тверская обл.,

ул. Советская, д.35а

kniga_tor@mail.ru

www.toropec.tverlib.ru